

№ 9 2007 [92]

ВОДА

Ж И В А Я

«КТО ЖАЖДЕТ, ИДИ КО МНЕ И ПЕЙ» (Ин. 7, 37)

ПРАЗДНИК: РАДОСТЬ ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ МАТЕРИАЛЫ К ПРОПОВЕДИ: СЛОВО О КРЕСТЕ; КАМНИ ВОЗОПИВШИЕ
ХРОНИКА: ДАР ХУДОЖНИКА МОНАСТЫРЮ ИНТЕРВЬЮ: КАЖДЫЙ КАМЕШЕК ЖДЕТ СВОЕГО ЧАСА
ПАЛОМНИЧЕСТВО: ORA ET LABORA ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ: ХРИСТИАНСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

Почти каждый двенадцатый праздник в нашей Церкви нам напоминает о той великой тайне, которая до сих пор сокрыта или не полностью раскрыта человеческим разумом, перед человеческим обществом, даже за все время существования христианской Церкви. Когда мы говорим о воплощении Второй ипостаси Пресвятой Троицы, Сына Божия, о Его пришествии на землю, о принятии Им человеческого естества, мы предпочитаем говорить о тайне – тайне Боговоплощения. И сегодня, когда мы празднуем память Воздвижения Честного и Животворящего Креста, перед нами тайна еще большая. Мы пытаемся ее постичь, раскрыть, но она так до конца и остается неразгаданной нами. И если мы все же желаем хотя бы приблизиться к ее пониманию, мы должны сами одухотвориться, стать частичкой этой тайны...

Из проповеди митрополита Владимира в праздник Воздвижения Креста Господня. Слово к пастве. СПб. 2005. С. 47.

ВОДА ЖИВАЯ

Санкт-Петербургский церковный вестник 9/2007 (92). 1 сентября 2007
Ежемесячное официальное издание Санкт-Петербургской епархии.
Основан в 1875 г. Возобновлен в 2000 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному федеральному округу. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС2-7467 от 18.03.2005

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: Санкт-Петербургская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

ПАРТНЕР ПО ПРОДВИЖЕНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ:
Издательство «Ладан». По вопросам оптовых поставок обращаться в магазин издательства «Ладан» по адресу: ул. Решетникова, д. 13. Тел. 388-59-89

Адрес Издательского отдела: 191167, Санкт-Петербург, наб. р. Монастырки, д. 1, Санкт-Петербургское епархиальное управление. e-mail: info@aquaviva.ru

Главный редактор: митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ВЛАДИМИР

Ответственный редактор: протоиерей Александр СОРОКИН, председатель Издательского отдела Санкт-Петербургской епархии

Ответственный секретарь: Иван СУДОСА

Выпускающий редактор: Василий СЕЛИВЕРСТОВ

Редактор отдела новостей: Анастасия КОСКЕЛЛО

Литературный редактор: Анна ЕРШОВА

Обозреватель: Сергей НАКОНЕЧНЫЙ

Арт-директор: Александр МЯЛИН

Технический редактор: Татьяна ИВАНОВА

Фотограф: Юрий КОСТЫГОВ

Фото на 1-й странице обложки: Станислав МАРЧЕНКО

Редакционная подписка: Виктория СИНЕЛЬНИКОВА

Благодарим за помощь в подготовке номера: Наталью АВДЕЙЧУК; Анастасию АНТОНОВУ; Людмилу ГОЛУБКОВУ; распространителей журнала «Фома» за помощь в распространении «Воды живой»

Отпечатано в типографии «Моби Дик»

Тираж: 3000 экз.

Цена свободная

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ БЛАГОДАРИТ ЗА ПОДДЕРЖКУ «ВОДЫ ЖИВОЙ»

Гусарова Александра Анатольевича
Генерального директора компании «Телрос»

Зилотова Александра Васильевича
Директора типографии «Моби Дик» и издательства «Ладан»

Лапина Алексея Станиславовича
Генерального директора реставрационно-строительной компании «Лапин Энтерпрайз»

Мозгового Германа Владимировича
Заместителя Председателя Законодательного Собрания Ленинградской области

Скорова Аркадия Анатольевича
Генерального директора строительной компании «Дальпитерстрой»

Издание журнала "Вода живая" входит в «Программу гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявления ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006-2010 годы» Правительства Санкт-Петербурга (Раздел 5)

ВОДА ЖИВАЯ Человеческая жизнь есть непрерывное течение минут, дней, лет и веков. Но важно не время как таковое, а то, чем оно наполнено. «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, – говорит Христос, обращаясь к самарянке, – тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4, 14). «Вода живая» – так называет Господь эту воду (Ин. 4, 10), символизирующую питательную силу Духа Святого. Пусть это новозаветное название нашего журнала напоминает читателю о том, Кто животворит и Кто питает Своим Духом наше дыхание, души и тела, и куда устремляет нас Правда Божия, если мы предадимся ее мощному, полноводному потоку.

ХРОНИКА

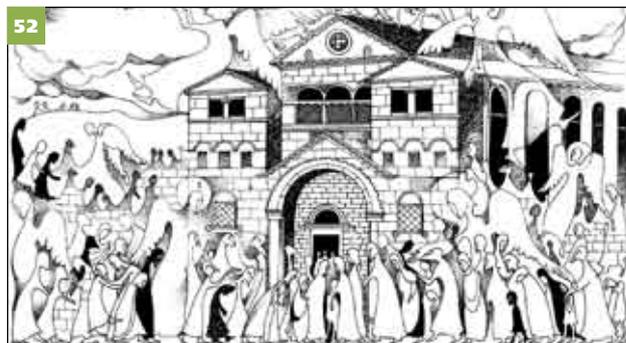
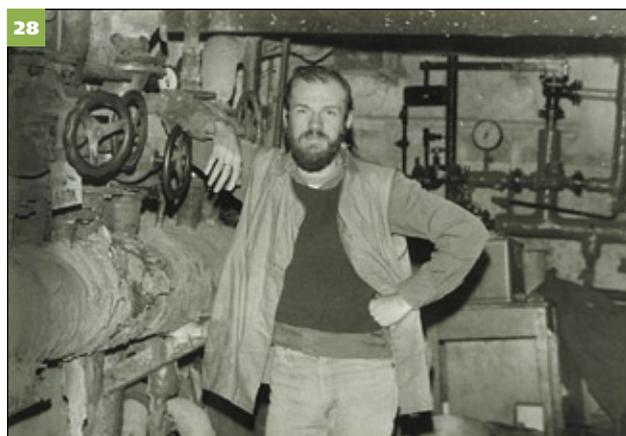
Праздник	
Радость всей вселенной	3
Аксиос!	
Какими качествами должен обладать священнослужитель?	4
Литургия шаг за шагом	
Оглашенные и верные	7
Личность в истории	
Старейший митрополит	9
Материалы к проповеди	
Слово о Кресте	11
Камни возопившие	13
Взгляд	
Молитва десяти	14
«Амаргедон»	14
Раздутое письмо	15
Хроника	
Православная «Груша»	18
Дар художника монастырю	20
Новая жизнь Старой Ладogi	22
Академики и Церкви	
нашли общий язык	24

МОРЕ ЖИТЕЙСКОЕ

Интервью номера	
«Бесплатное» чувство Бога	28
Реставрация	
Храм на Шпалерной	33
Интервью	
«Каждый камешек ждет своего часа»	34
Фоторепортаж	
Соловецкие острова	37
Паломничество	
Ora et labora	40
Приход	
Первый храм Павловска	43
Путевые заметки	
Путешествие на край Земли	44
Из фонда радио «Град Петров»	
Последние дни на земле	46
Музеи Петербурга	
Музей трамваев	48

LINGUA SACRA

История богослужения	
Созванная Богом	52
Иностранная библиотека	
Надежда	55
Проблемы истории	
Христианство в истории России	59
Словарь	
Ветхий Завет	63
Утраченная губерния	
Никольская церковь	
в Русско-Высоцком	64

ГОЖИЄВО БИЄ

Радость всей вселенной

Одно из православных литургических песнопений справедливо утверждает, что о Богородице нам «удобнее молчание» (приличнее молчать). Это действительно так, поэтому целомудренное повествование канонических Евангелий отмечает лишь некоторые эпизоды Ее жизни, да и то лишь в связи с Сыном. Ни слова не сказано о Ее рождении, юности (до обручения Иосифу), достаточно продолжительной жизни после праздника Пятидесятницы и блаженном успении.

Но человеческое любопытство, не желающее мириться с тем, что далеко не все нам следует знать, находит себе отдушину в многочисленных апокрифических текстах, не вошедших в Библию, не имеющих догматического авторитета и содержащих немало сомнительных описаний. Тем не менее, некоторые из них Церковь возводит в ранг Священного Предания и фиксирует в своем литургическом наследии. На одном из таких апокрифов – «Книге о рождении Марии» – основывается праздник Рождества Пресвятой Богородицы. В православном календаре это торжество принадлежит к разряду двенадцатых Богородичных праздников и отмечается 8/21 сентября. Разумеется, нам не известен ни точный год, ни, тем более, исторический день рождения Девы. Это произошло примерно за два десятилетия до Рождества Христова. Но поскольку рождение будущей Матери Господа символически открывает историю Новой, Христианской, эры, то логично, что именно этот праздник помещен в начало церковного года. Он выражает абсолютный смысл Дня Рождения Девы Марии как соучастницы истории нашего спасения.

В основу праздника легла драматичная история последних лет жизни бездетной пожилой супружеской четы, Иоакима и Анны, принадлежавшей к «мессианскому роду» иудейского царя Давида. Религиозные ожидания евреев, достигшие в период римской оккупации (с 63 г. до Р.Х.) своего апогея, выражались для потомков династии царя Давида в надежде стать родителями Мессии-Освободителя. Остальные же надеялись на принятие своих наследников в Его будущее вечное Царство. Поэтому бесплодие рассматривалось не как физический недостаток, но как наказание Божие за явные или тайные грехи. Человек, не оставивший потомства, бесследно исчезал с лица земли и из людской памяти.

Предание повествует, что Иоакиму, однажды хотевшему принести жертву в Иерусалимском храме, было публично указано на его недостойность. Храмовый книжник подошел к нему и сказал: «Не надлежит тебе участвовать в жертвоприношениях, предлагаемых Богу, ибо не благословил тебя Бог и не дал тебе потомство в Израиле!» «Посрамленный перед народом» старец удалился в пустыню к своим стадам, дав обет

не возвращаться до тех пор, пока не получит знамения свыше. Оставшаяся дома Анна, узнав о бесчестии, постигшем супруга, вышла в слезах во двор и увидела среди ветвей лаврового дерева гнездо едва оперившихся птиц. Этот зримый укор ее бесплодию был последней каплей, переполнившей чашу страдания.

Рыдая, Анна возвысила голос к Богу: «Господи Боже всемогущий, давший потомство и плодородие всякой твари, и зверям, и змеям, и рыбам, и птицам, давший им радоваться на своих детенышей! Я приношу Тебе благодарность, ибо Ты приказал мне одной быть лишеной милостей благодати Твоей, ибо Ты знаешь, Господи, тайну моего сердца, и я сотворила обет от начала пути моего, что если Ты дашь мне сына или дочь, я посвящу их Тебе в Святом храме Твоем». Молитва была услышана, и явившийся ангел объявил ей о рождении благословенной Дочери. Возблагодарив Бога, Анна поспешила в Иерусалим, чтобы у Золотых ворот встретить Иоакима, получившего одновременно с ней такое же благовестие. Родившуюся вскоре дочь назвали именем, данным ей ранее ангелом, – Мариам (Мария), что значит «госпожа» или «княгиня». Девочка, испрошенная у Бога, должна была, по обету родителей, к Нему и вернуться, чтобы воспитываться в обстановке особой ритуальной чистоты при Иерусалимском храме, готовясь к своему единственному в человеческой истории служению. Поэтому в трехлетнем возрасте состоялось Ее церемониальное «введение во Храм» (это тема следующего двенадцатого Богородичного праздника).

Неожиданное рождение Марии от пожилых родителей повторяет чудо рождения Ее предка Исаака у престарелых Авраама и Сарры и продолжает библейскую тему «испрошенных у Бога» детей, которым именно ввиду этого предстояло великое будущее. Поэтому Рождество Богородицы – это праздник вселенской радости, как об этом и поется в праздничном тропаре: «Рождение Твое, Богородица Дева, радость возвестило всей Вселенной: ибо из Тебя воссияло Солнце правды – Христос Бог наш. Он снял проклятие и дал благословение; Он уничтожил смерть и даровал нам вечную жизнь».

В восточной иконографии Рождества Богородицы чаще всего изображается момент поднесения новорожденной Марии к груди матери Анны, лежащей на постели в окружении повивальных бабок и домочадцев. Подробно иллюстрируют историю Рождества Марии замечательные фрески Джотто ди Бондоне (капелла Скровеньи в Падуе, 1304–1306 гг.).

Текст: Юрий РУБАН, к. и. н., кандидат богословия
Фото: украинская икона «Рождество Богородицы» ок. 1500 г.
Каталог «The Temple Gallery. Christmas 2006». London, 2006.

Какими качествами должен обладать священнослужитель?

В этой рубрике на вопрос «Воды живой» отвечают новорукоположенные клирики Санкт-Петербургской епархии

Иерей Александр БРЫЛИН

21 мая 2007г. рукоположен во пресвитера к Сампсониевскому собору г. Санкт-Петербурга

Священник идет за Христом и совершает Богослужение. Все это делается ради людей, для спасения которых Христос взшел на Крест. Священник должен сослужить Христу в спасении людей! Господь говорит о своем служении как о служении утешения: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин. 14, 16). В начале каждой службы мы призываем Его, Духа Святаго, Утешителя. Несомненно, священник должен совершать богослужение так, чтобы народ Божий имел от службы спасение и утешение. Люди измучены и изранены, и призыв Бога к священству «Утешайте народ Мой и говорите к сердцу» (Ис. 40, 1-2) необыкновенно актуален сегодня.

Диакон Леонид МАРКОВ:

1 июля 2007г. рукоположен во диакона к храму св. вмч. и целителя Пантелеимона на Ручье

В алтаре собора, где я служу, висит изречение: «Священство – это величайшая честь, которая когда-либо была дарована человеку». На мой взгляд, священник должен прежде всего верить в то, что это действительно так. До глубины души верить, что каждую службу ты предстоишь от имени всего народа Божия не просто перед неким «святым местом», на котором нужно, как Моисею, снимать сандалии, а перед лицом Бога Живаго. Это радостно и страшно одновременно, налагает большую ответственность, но и дает огромное ощущение счастья, мира и любви. И вот этими любовью и миром ты как священнослужитель должен обильно оделять всех приходящих в храм. Точнее, не «должен», а «можешь», потому что ты даешь не по нравственной необходимости, а от избытка. Я считаю, что настоящий священник может стать проводником Божией благодати для своих прихожан.

Иерей Олег ДОЖДИКОВ:

12 июля 2007г. рукоположен во пресвитера к храму Преображения Господня в Лигово.

У апостола Павла сказано: «... всегда радуйтесь!» А в современной Церкви люди, кажется, совсем забыли об этом. Угрюмый вид считается чуть ли не главным признаком благочестия! Я думаю, что священник должен научить своих прихожан искренне радоваться. Пусть он для каждого унывающего или скорбящего найдет на исповеди такие слова, чтобы человек смог «веселыми ногами», как поется в Пасхальном каноне, идти к Причастию. «Нет нам доли печалиться, ибо Господь всех спас!» – говорил преподобный Серафим. И сегодняшние пастыри должны показывать пример «христианского оптимизма», стремясь к тому, чтобы духом прихода стал дух радости.

Православные образы в ювелирных изделиях

**Владимир
Михайлов**
православные образы
в ювелирных изделиях

www.vmikhailov.ru
info@vmikhailov.ru

**ООО «Балтийская
Ювелирная Компания»**

190005, СПб,
наб. р. Фонтанки, 112,
тел. (812) 325 10 50

изображения изделий представлены в натуральную величину

Оглашенные и верные

Первая часть Литургии называется Литургией оглашенных. Оглашенные (по-гречески «катихумены» – назидаемые, наставляемые в истинах веры) – это люди, которые готовятся ко Крещению. В древности такая подготовка – оглашение – могла длиться более года. Она состояла из обучения новообращаемых основным постулатам веры и в постепенном введении их в литургическую жизнь Церкви.

Крещение совершалось только в самые большие церковные праздники, такие как Пасха, Рождество Христова, Богоявление. В эти праздники и доныне Трисвятое (ангельская песнь «Святой Боже...») на Литургии заменяется пением выразительного крещального гимна, взятого из послания апостола Павла к Галатам: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь», по-русски: «Вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27).

Таким образом, Крещение становилось не просто персональным таинством крещаемых, но и событием для всей Церкви, представленной конкретной общиной. Воцерковление же, таким образом, было не личным делом новокрещенных, но действительным актом присоединения к общине новых членов, засвидетельствованным всем собранием народа Божия. Одетые в белые одежды, новокрещенные первыми приступали к Причастию Тела и Крови Христовых, до которого не допускались, будучи оглашаемыми.

После проникновения христианства во все слои римского (византийского) общества оглашение почти исчезло, поскольку крестить стали преимущественно младенцев. Несмотря на исчезновение института оглашения из повседневной жизни, в богослужении сохранились, но как бы «законсервировались» практически все соответствующие и необходимые для этого литургические акты.

Первая половина Литургии и по сей день называется Литургией оглашенных, напоминая тем самым, что она предназначается для тех, кто, еще не будучи членами Церкви, готовится ими стать. Это, конечно, не исключает участия в ней и верных, то есть крещенных, тогда как во второй части Литургии – Литургии верных – оглашаемые участвовать не могли, ибо она предназначена лишь для действительных членов Церкви, «верных», могущих приступать ко Святой Чаше.

К сохранившимся отличительным признакам Литургии оглашенных следует отнести и ектению об оглашенных, завершающую Литургию оглашенных и отделяющую ее от Литургии верных. По окончании этой ектении произносятся слова: «...оглашенные изыдите...», подтверждающие, что только члены Церкви могут участвовать в дальнейших евхаристических действиях.

С начала XX века велись дискуссии о том, чтобы исключить ектению об оглашенных из чина Литургии, поскольку в нашей Церкви и до, и после революции (хо-

тя и по разным причинам) преобладала практика крещения в младенческом возрасте. В некоторых поместных Церквах, например, греческой, эта ектения часто опускалась и опускается сейчас во многих приходских храмах.

Однако в России, несмотря на многовековое отсутствие института оглашения, Литургия не лишилась своей «огласительной» части. 1990-е годы принесли России радостные перемены. В храмы стали приходиться взрослые верующие, и возобновление процесса подготовки к Крещению снова стало актуальным.

Ектении об оглашенных предшествует сугубая ектения. Кстати, великая ектения в древности находилась не на своем нынешнем месте, в начале службы, а читалась после входа с Евангелием и даже носила название «ектении Трисвятого». Позднее, когда в начале Литургии стали звучать антифоны, великая ектения была поставлена на свое нынешнее место. И сугубая («усиленная»), и великая ектении являются неотъемлемой частью каждой церковной службы: великая обычно открывает богослужение, а сугубая его завершает. В наши дни различие между этими молениями почти исчезло: и та, и другая ектении состоят из очень похожих, иногда одних и тех же прошений. В изначальном же замысле эти моления составлялись с различными целями. В великой ектении молитва раскрывается как «общее дело» всей Церкви, которая в своем вселенском масштабе объединяет всех, «отложивших» свою «житейскую печаль», тогда как в сугубой ектении Церковь сосредотачивает свою молитву на частных, личных нуждах каждого конкретного человека (с этим, например, связано перечисление имен на этой ектении).

По окончании ектении об оглашенных следуют две кратких ектении верных, начинающих Литургию верных. В это время предстоятель разворачивает на престоле антиминос («вместостоліе», греч.) – прямоугольный плат с изображением положения Господа Иисуса Христа во гроб и с подписью правящего архиерея данной епархии. В Русской Православной Церкви в антиминосы вшиваются частицы мощей святых (у греков мощи вставляются в сам престол). Епископская подпись на антиминосе свидетельствует их подлинность и означает «делегирование» пресвитерам права совершать Евхаристию. Когда священник разворачивает антиминос, приготавливая его к приношению евхаристической жертвы, престол становится единым престолом Церкви Божией, трапезой Тайной Вечери, местом присутствия и пришествия Христа, в Котором все мы соединяемся в Тело Христово, в Котором все разделения объединены целым, и Которым подается дар и благодать новой целостной жизни.

Старейший митрополит

В сентябре 2007 года исполняется 105 лет со дня кончины петербургского митрополита Исидора (Никольского). Он родился при Павле I, а умер за два года до воцарения последнего русского самодержца, прожив почти 93 года... Он ушел из жизни старейшим иерархом Русской Церкви, имея практически все церковные награды.

Родился будущий митрополит, названный Яковом, 1 октября 1799 г. в семье диакона Сергия Иванова, скончавшегося вскоре после рождения сына. Отец служил в селе Никольском Каширского уезда Тульской губернии, откуда и произошла фамилия его сына. По преданию, мать Якова в первые часы своего вдовства отнесла его в приходской храм и поручила попечению Богоматери, положив перед Ее иконой. Начальное образование Яков получал дома, затем был определен в Тульское Духовное училище, в Туле же отучился в семинарии и, наконец, в 1825 г. закончил столичную Духовную академию. В том же году он принял монашеский постриг с именем Исидор и 5 сентября был возведен в сан иеромонаха. Талантливого выпускника сразу же определили бакалавром академии по кафедре Священного Писания и герменевтики и назначили библиотекарем академии.

Таким образом, на стезю священнослужения он вступил при Александре I. Перемена царствования, ознаменовавшаяся восстанием декабристов, затронула и молодого иеромонаха Исидора: ему довелось приводить учащихся столичных духовных школ к присяге на верность новому государю. Именно в правление Николая I Исидор сумел раскрыть все свои способности. В 1829 г. Исидор – уже архимандрит и настоятель Мценского Петропавловского монастыря, ректор Орловской Духовной семинарии. Через четыре года – ректор Московской Духовной семинарии и настоятель Московского Заиконоспасского монастыря.

Все говорило о том, что молодого монаха ждет епископство. Так и произошло: 11 октября 1834 г. он в 35 лет стал викарием знаменитого святителя Филарета (Дроздова), которого глубоко почитал. Почти три года, проведенные в Москве, дали владыке опыт не только архиерейского служения, но и определенного участия в церковной политике.

В 38 лет Исидор получает первую самостоятельную кафедру (епископа Полоцкого и Витебского), где активно борется с Унией. В апреле 1840 г. его переводят в Могилев, в 1841 г. возводят в сан архиепископа. Светские власти, опасавшиеся польского католического влияния, ценили деятельность Исидора. Его движение от кафедры к кафедре – явное тому подтверждение: 12 ноября 1844 г. он стал Экзархом Грузии и членом Святейшего Синода, отправившись на Кавказ, в то время бывший «горячей точкой». Владыка много содействовал новому изданию Библии на грузинском языке, учредил новую епископскую кафедру в Абхазии; для улучшения дела образования дочерей духовенства открыл женское училище в Мцхете. Им было основано местное братство для борьбы с мусульманством и язычеством, в дальней-

шем выросшее в «Общество восстановления христианства на Кавказе».

Деятельность Экзарха была столь плодотворна, что в августе 1856 г. «за ревностные труды» его лично (а не по статусу занимаемой кафедры) возвели в сан митрополита! Менее чем через полтора года владыка возглавил старейшую в империи Киевскую митрополичью кафедру, а уже 1 июля 1860 г. был переведен в столицу, став митрополитом Новгородским, Санкт-Петербургским и Финляндским. На этой кафедре он провел более 32 лет, вплоть до кончины 7 сентября 1892 г. Никто ни до, ни после столь долго не был правящим архиереем Петербурга. В 1884 г., в день 50-летия епископского служения, император согласился с мнением Св. Синода предоставить митрополиту Исидору право предношения креста во время богослужения, что являлось знаком патриаршего сана.

И все же в памяти современников митрополит Исидор запечатлен не только своими достижениями. Сейчас кажется удивительным, но в январе 1881 г. владыка весьма холодно встретил ходатайство знакомых Ф.М. Достоевского, просивших безвозмездно похоронить писателя в Александро-Невской Лавре. Митрополит заявил, что Достоевский – простой романист; что ничего серьезного не написал; что он-де помнит похороны Некрасова – «было много всякого рода демонстраций, нежелательных в стенах Лавры» – и проч. Но в итоге он все же уступил: к ходатайству присоединился обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев.

С подозрением владыка относился и к отцу Иоанну Кронштадтскому, о чем последний неоднократно писал в дневниках: «Ни разу за тридцать лет он меня не встретил по-отечески, добрым словом или взглядом, а всегда унижительно, со строгостью и суровостью».

Человек тонкого юмора, в старости митрополит Исидор иногда позволял себе не скрывать отношения к главным лицам обер-прокуратуры Св. Синода. Именно он придумал для товарища (заместителя) обер-прокурора В. К. Саблера (1847 – 1929) кличку «Притычкин», навсегда приставшую к чиновнику...

Время порой безжалостно к человеку. Его успехи и достижения забываются, а просчеты и ошибки, наоборот, получают известность. Но стоит помнить, что митрополит Исидор известен и как толкователь и переводчик на русский язык Библии. Он состоял почетным или действительным членом многих обществ, в том числе Копенгагенского северных древностей, Императорского русского географического, Киевской и Московской академических конференций и др. Он был человек глубоких богословских знаний, талантливый администратор. Но... был человеком своего времени, пережив которое парадоксальным образом остался в памяти потомков лишь «старейшим иерархом». И хотя это так, не будем ограничиваться только этой констатацией.

ТЕКСТ: СЕРГЕЙ ФИРСОВ д.и.н.; ПРОФЕССОР СПбГУ.

НА ФОТО: ПОРТРЕТ ИЗ ПОРТРЕТНОГО ЗАЛА СПБ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Церковнославянский перевод

Брѣтіе, ¹⁸ слово крестное погнѣяющимъ оубо юродство ѣсть, а спасаемымъ намъ сила бжїѣ ѣсть. ¹⁹ Писано бо ѣсть: погублю премѣдрость премѣдрыхъ, и разумъ разумныхъ ѡвергѣ. ²⁰ Гдѣ премѣдръ; гдѣ книжникъ; гдѣ совопросникъ вѣка сегѡ; не ѡбдѣ ли бгъ премѣдрость мїра сегѡ; ²¹ Понѣже бо въ премѣдрости бжїей не разумѣ мїръ премѣдростїю бга, блгонзвѡлнл бгъ бднствомъ проповѣди спасти вѣрѡщихъ. ²² Понѣже и їдѣе знаменїѣ просѡтъ и ѣллини премѣдрости ищѣтъ: ²³ Мы же проповѣдаемъ хртѣ распѣта, їдѣемъ оубо соблазнъ, ѣллиномъ же безумїе: ²⁴ Самѣмъ же звѣннымъ, їдѣемъ же и ѣллиномъ, хртѣ, бжїю силу и бжїю премѣдрость.

Синодальный перевод

Братия, ¹⁸ слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. ¹⁹ Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. ²⁰ Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? ²¹ Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. ²² Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; ²³ а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, ²⁴ для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость.

Перевод епископа Кассиана

Братия, ¹⁸ слово о кресте для погибающих есть безумие, для нас же, спасаемых, есть сила Божия. ¹⁹ Ибо написано: Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. ²⁰ Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира в безумие? ²¹ Ведь поскольку мир своей мудростью не познал Бога в премудрости Божией, – благоугодно было Богу безумием проповеди спасти верующих. ²² Ибо и Иудеи требуют знамений, и Еллины ищут мудрости, ²³ мы же проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для язычников безумие, ²⁴ для самих же призванных, как Иудеев, так и Еллинов, Христа – Божию силу и Божию премудрость.

Перевод архимандрита Ианнуария

Братия, ¹⁸ Слово о Кресте для погибающих – безумие, а для нас, спасаемых, – сила Божия. ¹⁹ Ибо написано: «Погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну». ²⁰ Где мудрец? где книжник? где спорщик века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира в безумие? ²¹ Ведь мир в Премудрости Божией не признал Бога посредством мудрости. Поэтому Бог соблаговолил посредством безумия Вести спасти верующих. ²² Иудеи знамений требуют, эллины мудрости ищут, ²³ а наша Весть провозглашает Христа распятого: для иудеев кощунство, для эллинов безумие, ²⁴ для самих же призванных – для иудеев и эллинов – Христа – Божию Силу и Божию Премудрость.

Слово о Кресте

Апостол на Литургии в праздник Воздвижения Креста (1 Кор. 1, 18-24)

На Божественной литургии 27 сентября мы услышим величественное Евангелие о Кресте. Пожалуй, в Писании Нового Завета нет другого, подобного ему Слова, которое с такой яркостью и силой выразило бы непостижимую и в то же время действенную суть христианского Благовестия об Иисусе Христе распятом. Здесь – нервный центр, сердцевина Евангелия, тот узел, который не разрешается человеческой логикой, никакими мыслительными усилиями философов и ученых. Здесь апостол Павел облакает в слова универсальную христианскую истину, побуждаемый к этому конкретной ситуацией. Так он поступает и в прочих своих посланиях: от конкретно к универсальному, от частного к общезначимому.

Коринфская церковь, к которой обращается апостол, в то время находилась на грани раскола. Причиной разделений была человеческая гордыня, выражавшаяся в том, что одни христиане считали себя выше и лучше других. Они наивно и безосновательно видели себя достигшими совершенного духовного знания во Христе.

Факт своего крещения они считали гарантией спасения, пропуском в Царство Божие. «Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас» (4, 8), – с горькой иронией пишет им апостол. Сегодня мы сказали бы, что коринфяне, о которых идет речь, находились в состоянии «прелести», ложного религиозного энтузиазма и самодовольства. При этом решающую роль в их религиозных представлениях о себе играли понятия «силы» и «мудрости во Христе». Но, уповая на свою мнимую «силу» и «мудрость», они забывали о жестокой реальности Креста и не считались с неизбежным крестоношением в этой жизни, в этом мире. Все с той же горькой иронией апостол Павел напоминает коринфянам об этом: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии» (4, 10).

Свою проповедь апостол подчеркнуто называет «словом о Кресте»: «Я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (2,2). И это слово – юродство, безумие с точки зрения «мудрости мира», которому весть о Кресте должна казаться лишенным смысла абсурдом, потому что эта весть противоположна всем человеческим ожиданиям.

О том, что человеческие потребности, планы, ожидания могут быть очень далеки от замыслов Божиих, говорили уже древние книги Писания, которые по памяти цитирует апостол Павел: Бог посрамит «мудрость мудрецов» и «разум разумных», Он «знание их делает глупостью» (Ис. 29, 14; 44, 25). Где они, иудейские и эллинские мудрецы, книжники, участники богословских и философских диспутов? Слово о Кресте ставит под сомнение всю их человеческую мудрость. Апостол настаивает: спасение людям принесла не их самозванная и са-

модовольная мудрость, но не признанная и распятая ими на Кресте Премудрость Божия.

Согласно иудейским ожиданиям, Мессия должен был доказать свое мессианство знаменами божественно-госпаничества. ***удеде знаменія проісхъть*** Однако Спаситель оказался не сияющим победителем, но униженной, отверженной и распятой жертвой человеческой злобы и глупости. Исповедать такого Спасителя как Мессию должно было представляться невыносимым соблазном, почти богохульным скандалом. «Соблазн» по-гречески «скандал». Слово это означает западню, ловушку, несущую сокрушение и гибель. Крест вызывает противоречие и раздражение.

Ищущим же мудрости эллинам, которые в своей философии пытались проникнуть в сущность мироздания, весть о распятом Спасителе представлялась болезненным безумием. Почитать умершего на кресте преступника – для «нормального» человека это должно было казаться нестерпимой дерзостью.

Иудеи и эллины у апостола Павла выступают как представители всего неверующего мира. Они воплощают различные формы слепоты по отношению к Божественному откровению, к вести о Кресте. Мир упустил Бога в Премудрости Божией на Кресте, ибо желал познать Его по масштабам своих религиозных ожиданий и своей мудрости.

Но нам ясно также, что критика апостола направлена не столько на неверующий мир, сколько на уверенных в своей силе и мудрости коринфских христиан, а тем самым и на нас. Иудеи и эллины – не другие, не внешние: они символизируют позиции, которые всегда существуют и внутри Церкви. В самом деле: разве мы не видим и в нашей Церкви, и в себе самих стремления нашими желаниями внешней силы, чудесных знамений, власти и успеха заменить призыв Спасителя: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Мы, как иудеи и эллины, тоже рискуем не признать и не познать мудрость Божию, если не принимаем всерьез Евангелие о Кресте.

Событие Креста во всей своей трагичности – доказательство силы и премудрости Божией, которая смогла преодолеть смерть и небытие. Ведь Крест Христов неразрывно связан с Христовым Воскресением. Без Воскресения Крест остался бы торжеством греха и бессмыслицы. Но без Креста Воскресение оказалось бы иллюзорным хэппи-эндом, не считающимся с полной страданий действительностью этого мира. Послание к Коринфянам открывается трагической вестью: «Христос Распятый!», но завершает его радостная весть: «Христос Воскресе!». И то, и другое – Весть Божественной Премудрости. И, следовательно, – Евангелие!

Церковнославянский перевод

Во время ѿно, ²¹ вниде иисъ во страны турскіа и сидонскіа. ²² И се жена хананейска, ѿ предѣлз тѣхъ иъшедши, возопи къ немѹ, глаголющи: помилѹи ма гдѣи, снѣ даидовъ, дщѣ моа слѣбѣишетсѧ. ²³ Онъ же не ѡвѣща ѣи словесе. и приступльше ученицы егѡ, молахѹ егѡ глаголюще: ѡпѣсти ю, ѧкѡ вопіетъ въ слѣдъ насъ. ²⁴ Онъ же ѡвѣщаъ рече: нѣсмь посланъ, токѡво ко овцаѡмъ погнѣшымъ домѹ иѣлеа. ²⁵ Она же иъшедши поклонисѧ емѹ, глаголющи: гдѣи, помози ми. ²⁶ Онъ же ѡвѣщаъ, рече: нѣсть добрѡ ѡати хлѣба чадѡмъ, и повреци псамъ. ²⁷ Она же рече: ѣи, гдѣи: нбо и пси ѧдаѹтъ ѡ крѣпциъ падающихъ ѡ трапѣзы господѣи своихъ: ²⁸ Тогда ѡвѣщаъ иисъ, рече ѣи: ѡ жѣно, велиа вѣра твоа: бѡди тѣбѣ, ѧкоже хощеши. и ищѣлѣ дщѣ еа ѡ тогѡ часа.

Синодальный перевод

В то время ²¹ Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. ²² И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. ²³ Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами. ²⁴ Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. ²⁵ А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. ²⁶ Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. ²⁷ Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. ²⁸ Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час.

Перевод епископа Кассиана

В то время ²¹ Иисус удалился в пределы Тирские и Сидонские. ²² И вот, женщина Хананеянка, из той области, вышла и начала кричать: помилуй меня, Господи, Сын Давидов! Дочь мою жестоко мучит бес. ²³ Он же не ответил ей ни слова. И подойдя, ученики Его просили Его: отпусти ее, потому что она кричит нам вслед. ²⁴ Но Он ответил: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. ²⁵ Она же, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи, помоги мне. ²⁶ А Он ответил: нехорошо взять хлеб у детей и бросить собакам. ²⁷ Она же сказала: да, Господи, ведь и собаки едят от крошек, падающих со стола господ их. ²⁸ Тогда Иисус ответил ей: о женщина, велика твоя вера. Да будет тебе, как ты хочешь. И была исцелена дочь ее в час тот.

Перевод Сергея Аверинцева

В то время ²¹ Иисус удалился в пределы Тира и Сидона. ²² И вот некая хананеянка, жительница тех мест, возопила: «Смилуйся надо мной, Господи, Сын Давида! Моя дочь тяжело одержима бесом!» ²³ Он же не ответил ей ни единого слова. И ученики Его, приблизясь, стали просить Его: «Отпусти ее, а то она идет за нами и вопит». ²⁴ А Он сказал им в ответ: «Я не послан ни к кому, кроме как к потерянным овцам Дома Израилева». ²⁵ Но она, подойдя, кланялась Ему в ноги и говорила: «Господи! Помоги мне». ²⁶ Он же сказал в ответ: «Не хорошо отнять хлеб у детей и кинуть его щенятам». ²⁷ А она сказала: «Да, Господи! Но ведь и щенята едят крохи, что падают со стола хозяев их». ²⁸ Тогда сказал ей в ответ Иисус: «О женщина! Велика твоя вера. Да будет тебе то, чего хочешь!» И здравой была дочь ее с того самого часа.

Камни возопившие

Евангелие на Литургии в неделю 17-ю по Пятидесятнице (Мф. 15, 21-28)

«Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг», – так завершает свое Евангелие св. Иоанн (21, 25). Новозаветные книги изначально представляли собой форму свитка, максимальная длина которого из практических соображений не превышала 10 метров. Казалось бы, это чисто техническая деталь, но она помогает нам воспринять слова св. Иоанна в несколько ином свете: мы начинаем понимать, какую сложную задачу должны были решить евангелисты, чтобы вместить в это ограниченное писчее пространство все «с самого начала» (Лк. 1, 2) о «происшедшем с Иисусом Назарянином» (Лк. 24, 18-19). Итак, Евангелия являются плодом «тщательного исследования всего сначала» (Лк. 1, 3), что делает их содержание самодостаточным и каждой из книг придает уникальный характер. Повествовательная нить Евангелий предполагает, что только в таком объеме учение и служение Христа представлено полно и адекватно в главных своих положениях. Это подтверждают и слова: «...даже если бы Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы..., да будет анафема» (Гал. 1, 9; ср. Откр. 22, 19).

Но это не единственная, пусть даже очень весомая, причина, по которой следует обратить внимание на исцеление Иисусом дочери Хананеянки. Любое взятое наугад чудо не только знаменует присутствие Царства Божия в служении Христа Спасителя, но и затрагивает главный нерв Евангелия – тему веры и неверия. С особой остротой и драматичностью она звучит у Матфея в тех случаях, когда лицом к лицу с Иисусом оказываются язычники. Показанная ими вера велика (15, 28) и приводит в удивление самого Иисуса (8, 10), потому что Израиль не явил веры, достойной своего избранничества и призвания.

Таких случаев у Матфея два: это исцеления Иисусом слуги сотника (8, 5-13) и дочери Хананеянки (15, 21-28). Полноту звучания второго чуда можно оценить, если мы рассмотрим его содержание с различных позиций.

Общий компонент

Оба чуда сближает, в частности, тема веры/неверия и ответственности Израиля за неприятие своего Мессии. Описанные в них исцеления произошли на расстоянии, этим подчеркивается, что земное служение Иисуса было сосредоточено на Израиле (ср. Мф. 10, 5-6). А слова Иисуса, обращенные к Хананеянке (15, 24), с особой силой указывают на богоизбранность Израиля и так же, как Его диалог с ней (стт. 25-27), поднимают планку ответственности иудеев за отвержение Христа на предельный уровень.

Нюансы

В Ветхом Завете Хананеи описаны как давние враги Израиля, воплощение греха, злой и безбожный народ, подлежащий истреблению за свои беззакония. Уточнение Матфеем происхождения женщины-хананеянки усили-

вает контраст между верующими язычниками, к которым Иисус не имел никакого отношения по родству и в среде которых не проповедовал, и неверующими иудеями. Кроме того, здесь начинает звучать мысль, заложенная евангелистом в описании родословной Иисуса, где упомянуты 4 женщины-язычницы: Божие спасение адресовано всем народам.

Ближайший фон

Дополнительное значение история Хананеянки обретает на фоне спора с Иисусом книжников и фарисеев о предании старцев (15, 1-20). В более узком смысле Хананеянка, «нечистая от колыбели своей», являет ту веру, на которую оказались неспособными знатоки закона и духовные вожди иудеев. В более широком – это предвосхищение видения Петру и начала миссии среди язычников, описанной св. Лукой в Деяниях 10-11 гл.: споры о ритуальной «чистоте» признаются бессмысленными, снимаются все диетические запреты (ср. Мф. 15, 15-20). Отныне и навсегда место «заповедей человеческих» (15, 9) занимает великая вера Хананеянки, обретшей Иисуса благодаря своей любви к дочери, являющейся отражением любви Бога к чадам Своим.

В пространстве всего Евангелия

Композиционно обе истории, происшедшие с язычниками, принадлежат разным частям Евангелия от Матфея. Случай с сотником – 2-й в блоке из 10-ти чудес Иисуса (8-9 гл.); цель этой подборки – показать полноту власти Христа (во всем ее мыслимом диапазоне), необходимую для установления проповеданного Им Царства. История же Хананеянки в повествовательной канве Евангелия появляется тогда, когда уже все точки над «i» расставлены: Иисус представлен Матфеем (1-2 гл.), Его благовестие подтверждено чудесами (4-9 гл.), и уже произошла реакция народа и иудейской верхушки на Личность Христа (11-12 гл.).

Не случайно евангелист упоминает о Хананеянке в последней теме своего Евангелия – Страсти и Слава Иисуса (14-28 гл.). Поместив эти две истории в разной тематической обстановке, Матфей на фоне неуклонно растущего отвержения иудейскими вождями Мессии показывает веру в Него язычников, набирающую силу. «Господь», – обращается к Иисусу сотник (8, 6, 8), «Сын Давидов», – добавляет Хананеянка (15, 22).

В начале своей проповеди Иоанн Креститель, отвергавший иудаизм в его фарисейской форме, предупредил вождей народа о том, что Бог «может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (3, 9). Слова Иисуса, обращенные к фарисеям во время Его входа в Иерусалим (Лк. 19, 40), лишь подтвердили стабильность основного настроения духовных лидеров израильтян и оправдали суровую правду резких слов Предтечи. Камни, о которых сказал Иисус фарисеям, уже возопили...

Василий СЕЛИВЕРСТОВ

vred@aquaviva.ru

Сергей ЗЕМСКОВ

info@aquaviva.ru

Раздутое письмо

Обращение академиков к президенту уже успело набить оскомину – так часто оно становилось предметом публичных, да и частных дискуссий. Но я не собираюсь становиться добровольным, а точнее незванным, адвокатом Церкви или принимать сторону ученых мужей. Гораздо интереснее взглянуть на проблему взглядом стороннего наблюдателя. И сразу бросается в глаза отсутствие... достойного повода для дискуссии.

Продираясь сквозь дебри всемирной паутины, наткнувшись на собственно письмо академиков мне удалось не с первой и даже не со второй попытки. Статьи в СМИ, телевизионные дискуссии – все это строилось на вырванных из контекста фразах, а отнюдь не на самом тексте письма. А дело, как мне кажется, в том, что письмо это оказалось всего-навсего удобным предлогом спекулировать на избитой и давно уже умными людьми исчерпанной теме «антагонизма» религии и науки.

Мне повезло: я письмо прочитал. И сразу потерял к нему интерес. Написано оно торопливо, не очень уважительно к оппонентам и как-то уж слишком неглубоко. Хотя с некоторыми доводами я готов согласиться. Например, о недопустимости подмены научного знания верой. Но вот почему не признать теологию наукой – я понять не могу. Тем более, что никакой опасности для академиков-атеистов современная теология не представляет, совершенно не претендуя на оспаривание теории суперструн или энтропии. Так же как, например, пушкиноведение. Я уж не говорю о том, что неловко как-то в XXI веке быть воинствующим материалистом. Не просто материалистом, а именно «воинствующим». Сегодня, когда все так зыбко и относительно, что даже Земля вопреки глобусу оказывается приплюснутой с полюсов.

Другой вопрос, что проблема отношений Церкви и государства чрезвычайно актуальна. Особенно когда наше христианское сознание усыплено отсутствием гонений и комфортными условиями для духовного роста. Правда, усилия на поиски пути спасения и достижения святости мы с гораздо большим энтузиазмом тратим на доказывание своей, а отнюдь не Христовой истины. Вообще, самое неприятное в истории с этим несчастным письмом – это деление на «своих» и «чужих». Ведь ежедневно публикуются сотни открытых писем. И подписывают их не менее уважаемые люди. Но в них люди то требуют спасти от разрушения театр, то протестуют против выселения музея или обращают внимание общественности и власти на социальную несправедливость. Ну что тут скажешь? А с обращением академиков все ясно: вот мы, а вон они. И с обеих сторон летят увесистые камни.

А вот слова апостола Иоанна: «Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга» (1 Ин. 4, 11).

Молитва десяти

«Обращаемся к Тебе, Тот, Которого не знаем, через того, которого знаем и уважаем, о волнующих наш разум проблемах. Нас десять, и это символично в этом мире.

Нам повезло, мы родились и выросли в безбожное время, когда опиум для народа наши отцы выкорчевывали с корнем – взрывали храмы, расстреливали людей за веру какому-то мифическому персонажу – Иисусу Христу, уничтожали все, что могло смутить человека и столкнуть его с прямого пути материализма. Отцы опирались на революционный дух народных масс, их было большинство, и они не знали поражений. Только именем правителя наш народ одерживал победы над врагами. Мы строили города, осваивали целину, и если партия говорила «надо», мы могли и реки повернуть вспять. Все было просто и ясно. Мы дети своих отцов, мы продолжатели их святого дела правды. Мы даже не отрицаем совесть. Мы сами без посторонней помощи стали интеллектуалами в высшей степени и забрались на вершину олимпа, где только избранные. Только Ты знаешь, сколько трудностей нам пришлось преодолеть, чтобы добиться такого уважения и почтения к себе, какое мы имеем от наших учеников и общества. Нас не просто признали, мы понимаем, что выше нас только тот, которому мы пишем и Тот, Которого мы еще не знаем.

Доколе? Доколе ты будешь смиренно смотреть, как нам становится все хуже и хуже? Города, которые мы строили, – опустели, реки, которые мы повернули, – иссякли. Идеи, идеи, которыми наполнялись наши сердца, попирают какие-то недоросли и кликуши. Скоро нас сровняют с землей, и мы уйдем в небытие. Что нас ждет? Почему так?

Весь мир, в котором мы живем, пропитан неизвестным для нас духом, который приближается к нам. В искусстве, в культуре, в социуме, даже в науке – везде есть что-то, что мы не можем вместить в свое сознание. Нам страшно за будущее наших детей. И в этой надвигающейся беде нам не помощники ни Бах, ни Леонардо да Винчи, ни Босх, ни Шекспир, ни даже Михайло Ломоносов и Дмитрий Лихачев. Эти хорошие люди сами запутались, а имитаторы любви – церковники присвоили их великое наследие Имени того же Иисуса и продолжают свою экспансию.

Мы не можем понять, что нам делать с этим присутствием. Мы точно знаем – нам это не нравится. И мы уповаем и просим тебя – огради нас, и наших детей, и всех тех, кто находится в опасности влияния неправды, которую называют обожением. Ведь слово не может стать плотью, а человек должен быть человеком, он не может стать богом – это иллюзия, мы здесь, наверху, это знаем. Пусть у всех будет живая откликающаяся совесть, пусть не будет войны и матери воспитывают своих детей в любви и радости. Пусть не будет обмана и подмены истины... Мы просим этого у Тебя через того, кому пишем!»

Алексей СОКОЛОВ

info@aquaviva.ru

«Амаргедон»

Первоклашки с букетами, репортажи о школе по ТВ... Даже если у вас нет детей, а ваша собственная школа осталась где-то в далеком прошлом, в сентябре о ней обязательно вспомнишь. И хорошее, и плохое. Я, уж простите, скажу о плохом. Мне довелось сидеть за партой в то время, когда за школьным окном кипели безумные 90-е. Наша «районка» считалась среди других довольно успешной школой, потому как сумела не растерять основные кадры. И хотя проблем хватало, мы, дети, продолжали учиться физике, математике, биологии... Вот только кроме них были еще история с литературой.

– Ну, тут много про Маркса с Лениным, эту страницу вы пропустите, – руководил чтением педагог. Новые учебники только начали появляться. Рождались они так же тяжело, как и новый взгляд на мир.

Подобно любому старшекласснику, я пытался как-то блеснуть в текстах своих сочинений и однажды здорово поплатился. Учительница переправила мое слово «Армагеддон» на «Амаргедон» и поставила минус. Ничего странного, ведь она слышала его только пару раз, да и то по телевизору. Тогда я впервые ощутил, как кровотоцит дыра в нашем гуманитарном образовании. Слишком долго из него с мясом вырезали все, что говорило о влиянии религии на культуру, наспех сшивая разрезы белыми нитками марксистской теории. О писателе Шмелеве мы не знали вообще, от писателя Лескова нам оставили только «Левшу». От Византии – абзац в учебнике, от девятнадцатого века – одних только народовольцев.

– До революции Церковь сжигала ученых на кострах, но большевики пресекли эту порочную практику, – пошутил в 80-е преподаватель одного вуза. Все законспектировали, и кто-то, видимо, поверил.

Эта не проблема религии – это проблема школы, которая у нас от Церкви отделена. Вот только без истории Церкви, без православной культуры нашему образованию не обойтись. Правда, преподавать их надо не школьникам, а учителям.

– Рерихи и Блаватская были православными, но выбрали все лучшее и из других религий, – говорила одна наша учительница. – Были бы у нас уроки по Православию, – я бы про Рерихов вам рассказала.

Если ей дать учебник по ОПК (основам православной культуры), она отодвинет его в сторону, а вместо рассказа об истории Церкви начнет проповедовать. Причем отнюдь не христианство. Вспомните свою школу, и вы поймете, как трудно будет влить молодое вино новых знаний в ветхие мехи нашего образования. Но сидеть сложа руки теперь тоже поздно.

С плохим преподаванием ОПК или совсем без него – мы опять теряем целое поколение.

Информационная служба «Вода живая»

Международный фестиваль «Русский Царь-Град» прошел в Петербурге и Кронштадте. Мероприятие было посвящено восстановлению единства Русской Православной Церкви и проходило с 11 по 13 июля. Несколько сотен гостей из России, Белоруссии, Украины и Германии приложились к мощам святого благоверного князя Александра Невского в Александро-Невской Лавре, возложили цветы к могилам российских самодержцев в усыпальнице Петропавловского собора и совершили крестный ход к закладному камню на месте разрушенного большевиками Андреевского собора в Кронштадте. Завершили программу конференция памяти святого Иоанна Кронштадтского и концерт авторской песни.

11 июля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II направил поздравление Валерию Сердюкову в связи с очередным избранием на пост губернатора Ленинградской области. «Как Предстоятелю Русской Православной Церкви, мне весьма отродно сознавать, что в новых исторических условиях между Администрацией Ленинградской области и Санкт-Петербургской епархией сложились добрые отношения, призванные проявлять совместную заботу о восстановлении порушенных в прошлом святынь, духовном воспитании, христианском просвещении и нравственном здоровье общества», – отмечено в Патриаршем послании.

13 июля участники фестиваля «Русский Царь-Град» провели акцию по уборке форта «Александр-Шанц». Действия верующих не остались без внимания городских властей. Заместитель главы администрации Кронштадта Вячеслав Богомолов заявил, что готов оказать финансовую поддержку в восстановлении форта. До революции здесь (форт расположен на западной части острова Котлин) были крепостные стены и, предположительно, часовня святого Александра Невского, имя которого и носит форт. В настоящее время он почти полностью разрушен, а на его территории располагаются склады ВМФ России. Также форт регулярно сдается коммерческим структурам под проведение молодежных рейв-фестивалей. По заказу «Дворца конгрессов» Управления делами Президента РФ разработан проект преобразования форта «Александр-Шанц» в музейный культурно-развлекательный комплекс.

От Александро-Невской Лавры 13 июля стартовал традиционный летний автопробег «Серебряное кольцо Александра Невского». Инициатором автопробега, при поддержке Правительства Санкт-Петербурга, выступил региональный фонд молодежных и военно-исторических программ «Качур». Автомобилисты преодолели около 1500 км. и посетили 13 древнерусских городов, 8 крепостей, а также православные монастыри и храмы Северо-Запада, связанные с именем великого князя. По заказу участников автопробега в Ярославской области были отлиты колокола для церкви святого архангела Михаила села Кобылье Городище Гдовского района Псковской области, которой в этом году исполняется 545 лет. И 15 июля на берегу Чудского озера, где 765 лет назад произошло Ледовое побоище, петербуржцы передали колокола приходу.

В Петербурге возрождают традиции крестных ходов трезвенников. 15 июля клирики и прихожане церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала совершили традиционный крестный ход к храму преподобного Андрея Критского на Рижском проспекте и отслужили молебен святому новомученику Философу Орнатскому. Такой крестный ход проводится в епархии уже третий год подряд, в память о дореволюционных крестных ходах трезвенников. Дата его проведения приурочена ко дню кончины протоиерея Александра Рождественского (18 июля), главы знаменитого Александро-Невского общества трезвости, основанного в 1898 году.

В день памяти протоиерея Александра Рождественского (1872–1905) – 18 июля – у его могилы на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры прошли панихиды. В год смерти отца Александра насчитывалось почти 76 тысяч членов основанного им Александро-Невского общества трезвости при Воскресенском храме у Варшавского вокзала. Этим летом почтить его память пришли православные трезвенники из разных приходов Санкт-Петербургской епархии. Сначала панихиду отслужил сотрудник Епархиального отдела по противодействию наркомании и алкоголизму иерей Евфимий Добрянский, а затем – духовенство храма Воскресения Христова у Варшавского вокзала.

Сердце милующее

Николаевский Борис, прот. Духовные беседы. Изд. 2-е, испр. Сост. С.Н. Корытин, Н.Б. Егорова. – СПб: Русская симфония, 2007. – 360 с. с илл. Тираж 1000 экз.

«Меня эта книга... настигла, – сказал мне один молодой священник. – Вроде бы ничего особенного, никаких богословских глубин и откровений, но... Я об отце Борисе с тех пор всегда молюсь».

Борис Николаевский (1884–1954), по его собственным словам, «мечтал, добивался, стремился стать врачом». А стал – отцом Борисом, четырнадцатым священником в роду. В Первую мировую был полковым священником. В 1917-м митрополитом Вениамином назначен настоятелем храма свт. Иоасафа Белгородского в Парголово. В 1933-м арестован и сослан. Через 13 лет вернулся в Ленинград. Назначен в Свято-Троицкий храм в Лесном, где и служил до конца жизни. Даже не настоятелем, а обычным че-

редным священником... Вот и весь «послужной список». Но дадим слово его чадам:

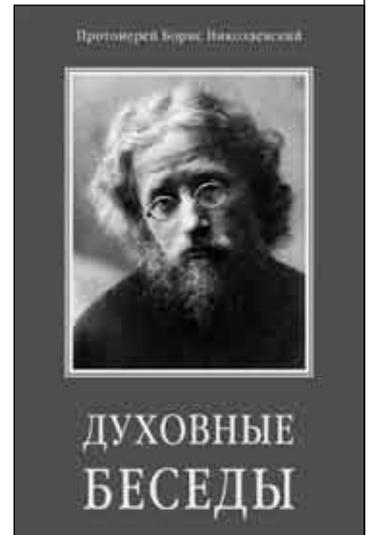
«Зашла случайно в раскрытые двери храма, в это время батюшка вел исповедь. Встала как вкопанная, не могла сдвинуться с места. И вышла из храма верующей».

«Бывает, человек одарен каким-то одним талантом. Господь так щедро одарил батюшку столькими талантами! И дар молитвы, и дар слез, и дар слова, и дар вызывать покаяние. Все это он имел и нам давал, что ценно. С ним мы молились, с ним мы плакали, с ним мы кажились. Так, как было с ним, уже после него не было».

«Я была как-то вся съезжена, и сердце мое было наглухо закрыто. И вот я попала на воскресную беседу батюшки отца Бориса. Когда я увидела его – небольшого

роста, с белыми пушистыми волосами, с такими добрыми и ласковыми глазами, то всей душой сразу потянулась к нему».

Но этому же «добренькому, седенькому батюшке» принадлежат и такие слова: [враги наши] «у одного выкрадывают духовный смысл поста, который заключается в умном воздержании, и оставляют ему одни грибки, капусту, горох да сухарики с водичкой. ... У другого выкрадывают глубокий духовный смысл черной одежды, черной рясы ... и оставляют ему одну рясу. ... У иного выкрадывают любовь к храму, к церковной молитве и оставляют душе одно внешнее стояние. ... У других же они выкрадывают духовный смысл духовного сана, благоговение, страх, веру, выкрадывают благодать хрис-

тианства и апостольства и оставляют им одно внешнее пышное служение».

Недаром прп. Серафим Вырицкий незадолго перед кончиной сказал своим чадам: «Теперь будете ходить к отцу Борису». Я думаю, и мы с вами тоже будем теперь... ходить к отцу Борису.

Людмила МАСЛИКОВА

Непростые острова

Скопин В.В. На Соловецких островах. – М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2007. – 255 с., ил. Тираж 3000 экз.

Можно с уверенностью сказать, что сколько бы уже ни было написано книг о Соловках, еще одна не будет лишней.

Место это такое. Не простое.

И хоть книга и вышла в серии «Самые красивые места России», история Соловецкого монастыря, как, впрочем, и окружающая его природа, скорее вызывают священный страх и трепет, чем желание насладиться красивыми пейзажами.

Слишком много крови здесь пролилось, слишком много боли сконцентрировано. В том числе и об этом книга, беспристрастно рассказывающая историю Соловков.

Это карманное, хорошо иллюстрированное издание удобно будет взять с собой в поездку.

В книге рассказывается о возникновении, развитии и перипетиях истории Соловецкого монастыря, о знаменитом «соловецком сидении» и страшных казнях сторонников старой веры, о бомбардировке монастыря английской эскадрой в 1854 году, когда чудесным образом не погибли не только ни один из защитников крепости, но даже и ни одна чайка.

Книга рассказывает о превращении в царское время Соловков в тюрьму и о создании на территории монастыря одного из самых

первых советских концлагерей. Речь идет также и о реставрации и восстановлении монастыря.

Отдельные главы книги посвящены архитектурному ансамблю монастыря, постройкам и сооружениям, находящимся за стенами кремля, озерной и островной системе, а также трем крупным островам: Заяцкому, Муксалма и Анзерскому. Книга сопровождается примечаниями и списком рекомендуемой литературы.

В заключении книги автор выражает свою обеспокоенность современным состоянием Соловков. Активные строительные и реставрационные работы грозят нанести урон экологии этих мест.

Также, к сожалению, прослеживается тенденция к превращению Соловецких островов в откровенно туристско-развлекательный комплекс.

Книга предоставлена магазином «Слово».

Сергей НАКОНЕЧНЫЙ

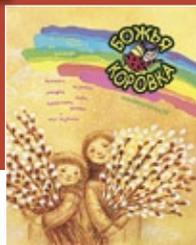

ЕЖЕГОДНЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ СПРАВОЧНИК Санкт-Петербургской епархии

Новая книга
о блаженной
старце Любушке
Сусанинской
(Любови Лазаревой)

БОЖЬЯ КОРОВКА
иллюстрированный детский
православный журнал

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛАДАН**

Оптовая и розничная продажа
православной литературы
и церковной утвари.
Доставка по СПб и области.

Отдел реализации:

С-Петербург, ул. Решетникова, 13
тел.: (812) 388 59 89
e-mail: LadanSPb@mail.ru

СЛОВО

МАГАЗИН ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

"Невский проспект" (выход на Канал Грибоедова)

«СЛОВО»

Малая Конюшенная

Более 10 000 наименований книг
по всем аспектам христианства.
Большой ассортимент
аудио и видео кассет, изобразительной
и сувенирной продукции.
К вашим услугам:
интернет-магазин и отдел "книга-почтой"

191186, Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9
тел.: (812) 571 20 75, факс: (812) 312 52 00
e-mail: slovo@peterlink.ru www.slovo.net.ru

Информационная служба «Вода живая»

Началось восстановление главного купола Свято-Троицкого Измайловского собора. Реконструировать главный купол Троицкого собора, сгоревший 25 августа прошлого года, будут поэтапно. Основным подрядчиком в июле была назначена московская строительная компания «ТНТ Стройинвест», работающая при Центральном научно-исследовательском институте строительных конструкций имени В.А. Кучеренко. К концу 2007 года планируется установить все несущие конструкции и закрыть их на зиму несколькими слоями дерева. Весной следующего года, как только позволит погода, начнутся работы по воссозданию поверхности купола, в частности, знаменитых золотых звезд. 18 июля с ходом восстановительных работ на месте ознакомилась губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко. Она отметила, что в реконструкции храма важны «не спешка и показуха, а соблюдение технологии процесса и сохранности объекта».

С 18 по 21 июля в Пушкине проходил историко-реконструкционный фестиваль «Русский лад». Организовал его Славянский молодежный союз при поддержке Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. Координатором проекта выступил Денис Самойлов, лидер петербургского Клуба откровенных странников «Трилистник». В условиях палаточного лагеря члены петербургских православно-патриотических организаций пытались реконструировать жизнь русской деревни XV–XVI веков. В программу входило обучение древним ремеслам: вышивке, керамике и росписи по дереву, а также воссоздание традиций семейного и богослужебного уклада времен Московского царства.

20 июля князь Дмитрий Романович Романов с супругой посетили храм Феодоровской иконы Божией Матери у Московского вокзала. Один из потомков русских царей из династии Романовых, князь Дмитрий проживает в Дании и руководит деятельностью Благотворительного фонда, помогающего детям в России. В прошлом году он был приглашен в состав Попечительского совета по восстановлению храма. Одной из целей его визита в Петербург стало ознакомление с ходом восстановительных работ.

Делегация от Санкт-Петербургской епархии побывала в общероссийском православном молодежном лагере «Феодоровский городок». Лагерь был организован в поселке Доброе Московской области с 17 по 24 июля и собрал около 150 молодых людей и подростков со всех епархий Русской Православной Церкви. От Санкт-Петербургской епархии было восемь делегатов. На семинарах и тренингах ребята учились создавать среду общения для православной молодежи на приходах.

21 июля на площади перед храмом святителя Николая Чудотворца в поселке Озерки Выборгского района Ленинградской области прозвучала увертюра «1812 год» Петра Ильича Чайковского. Исполнил увертюру Санкт-Петербургский государственный симфонический оркестр «Классика». Концерт организовали настоятель храма иерей Дионисий Холодов и художественный руководитель и главный дирижер оркестра «Классика», заслуженный артист России, профессор Александр Канторов. В концерте были задействованы колокола звонницы храма святителя Николая Чудотворца, которые считаются одними из лучших в Ленинградской области.

24 июля специалисты ОАО «Балтийский завод» приступили к изготовлению гигантского колокола по заказу Нижегородской епархии. Он будет установлен недалеко от собора святого Александра Невского на Стелке. Колокол станет самым большим в епархии – его вес составит 60 тонн, а вес языка – 4 тонны. На заводе изготовят и специальное шарнирное крепление для языка, которое позволит звонарям раскачивать его без приложения особых физических усилий. Новый благовест украсят рельефными иконами с изображениями нижегородских святых – преподобных Серафима Саровского и Макария Желтоводского, благоверных князей Александра Невского и основателя города Георгия Всеволодовича, патриархов Никона и Сергия, а также первого нижегородского архиепископа – митрополита Филарета. Отливка колокола должна быть закончена к маю 2008 года. За последние годы на Балтийском заводе изготовлено более 200 колоколов, самый крупный из них весит 72 тонны.

Фото: И. А. ГРИВЬ, АВТОРА

Православная «Груша»

С 5 по 8 июля на живописном берегу Волги близ Тольятти состоялся 34-й Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина. Много споров было в СМИ вокруг этого старейшего фестиваля в последнее время. Одни говорили о разделении его на два, другие о том, что эра бардовской песни близится к закату... Так каким же он был в этом году и чем отличался от предыдущих фестивалей? Об этом мы попросили рассказать нашего давнего друга – руководителя делегации православных бардов на Грушинском фестивале петербуржца Сергея Учанийшвили.

Фестиваль им. Валерия Грушина – крупнейший и наиболее именитый форум авторской песни в нашей стране. Основой для этого удивительного явления современной культуры служит подвиг человека, «положившего жизнь за други своя».

А было это в далеком 1967 году. Студент Куйбышевского авиационного института Валерий Грушин и его товарищи, находясь в турпоходе в Сибири, стали свидетелями катастрофы: на порогах бурной и студеной реки Уды перевернулась лодка с детшками. Валера, не раздумывая, бросился на помощь по-

терпевшим и спас одну девочку, а когда нырнул за другим ребенком, то и сам уже не вернулся из ледяной воды...

О подвиге молодого куйбышевца написала «Комсомольская правда». Эта весть облетела страну, никого не оставив равнодушным, и уже летом следующего года в память о Валерии Грушине и его героическом поступке на берегу Волги собралось около двухсот бардов, среди которых были многие патриархи отечественной бардовской песни. Так начинался теперь уже знаменитый Грушинский фестиваль, собирающий в первые июльские дни бо-

лее двухсот тысяч любителей авторской песни.

Я в этом году был на «Груше» – так фестиваль ласково называют его завсегдатаи – всего лишь в шестой раз. Именно столько лет Православному лагерю на этом многолюдном празднике авторской песни.

Для кого-то праздник, а для кого-то «охота». Пользуясь огромным стечением народа, на Грушинской поляне активно занимаются ловлей человеческих душ сектанты разных мастей. Одних только кришнаитов в отдельные годы бывало до тысячи человек! Они даже оборудовали свой «Кришна-лэнд» и зама-

нивали под свой пестрый шатер толпы молодежи бесплатным просатом (специальной ритуальной выпечкой). Странно было видеть на Грушинской поляне многолюдные шествия кришнаитов, наряженных в пестрые сарафаны, с громающей музыкой и бесконечным «харе-харе»...

Вот и пришлось нам организовать православный лагерь, чтобы хоть как-то уберечь народ от этой беды. Обязательным символом православного лагеря на «Груше» является наша походная часовня с белоснежным восьмиконечным крестом, где любой из зашедших

«на огонек» жителей Грушинской поляны может получить ответы на свои духовные вопросы, встретиться с батюшкой, помолиться и приложиться к иконам. Кстати, с нами вот уже пять лет путешествует на Грушинский фестиваль икона святого апостола Андрея Первозванного с частицей его мощей. Это для нас большое подспорье и радость. Как две тысячи лет назад апостол Андрей просвещал светом христианства нашу землю, так и сейчас он помогает нам в огромном людском море нести благую весть людям XXI века. А ведь нас в православном лагере чуть больше полсотни человек, да и то в основном молодежь.

Недавно мы с режиссером Анастасией Дубовой монтировали фильм о юбилейном 30-м Грушинском фестивале и с удивлением отметили для себя следующий факт: именно в тот год мы, единственный раз за всю историю фестиваля, обошли центральную поляну крестным ходом и окропили ее святой водой, и после этого были запрещены все религиозные шествия на Грушинском фестивале. А до этого более десяти лет кришнаиты проводили свои ритуальные шествия, так называемый праздник колесниц, огромными толпами. И всего лишь одного скромного крестного хода хватило, чтоб этому настал конец. Разве это не чудо? А в прошлом году и сам огромный «Кришна-лэнд» исчез вместе со своими стриженными жителями.

Многие, наверное, уже слышали из СМИ о том, что в этом году одновременно прошло сразу два фестиваля имени Валерия Грушина. Один на площадке в районе Мастрюковских озер, то есть там, где он традиционно проходил последние годы. А другой двумя остановками электрички ближе к Тольятти, в районе Федоровских лугов. Наш лагерь остался со старой командой «Груши» и переехал на новое место в район Федоровки. Хорошо это или плохо, покажет время. Но одно ясно: православному лагерю уходить с «Груши» нельзя, так как свято место пусто не бывает и наши «друзья» кришнаиты уже сделали разведку на новом месте, установив на подступах к фестивальной площадке свой небольшой лагерь, а последователи агни-йоги расположились в самой гуще фестивальной поляны рядом с пресс-центром...

В остальном же фестиваль прошел великолепно! Как всегда на «Груше» ни днем, ни ночью не смолкали песни, приветливо и уютно горели костры, люди запросто общались друг с другом, знакомясь легко и добродушно, обретая новых друзей из разных городов и стран.

В этом году впервые состоялся конкурс православной и военной песни. Два дня на 4-й сцене звучали православные песни в исполнении авторов из Москвы и Санкт-Петербурга, Тольятти и Саратова, Самары и многих других городов. Первое место в конкурсе занял наш земляк – петербуржец Михаил Мурин, второе – саратовец Алексей Кириллов, а на третьем – Анастасия Дубова также из Питера!

Хочется поблагодарить всех тех, без кого поездка на 6-й православный лагерь вряд ли могла бы состояться: Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга и Свято-Троицкую Александро-Невскую Лавру, вот уже много лет помогающих нашей делегации добраться до Грушинской поляны на автобусе, Молодежному отделу Санкт-Петербургской епархии, предоставившему нам походную часовню, храму Новомучеников и Исповедников Российских, что в поселке Прибрежный, бережно хранящему имущество Всероссийского православного лагеря из года в год, Виталию Шабанову и Виктору Казаеву, организовавшим конкурс православной и военной песни на Грушинском фестивале, и многим-многим другим хорошим людям, помогавшим нам.

Отрадно, что, невзирая на все нестроения, настоящие друзья Грушинского фестиваля проявили себя людьми с большой буквы. Приехал Юрий Шевчук поддержать старую команду из Самарского областного Клуба имени Валерия Грушина, многие десятилетия проводившую фестиваль, а теперь выдворенную со своей площадки предпринимчивыми дельцами. Его песни о смысле жизни, о любви, о Боге и Родине, стали лейтмотивом прошедшего фестиваля.

Что ж, до свидания, 34-я «Груша»! Спасибо за незабываемые встречи и многие часы счастья, подаренные нам на твоей поляне! До следующего лета!

Сергей УЧАНЕЙШВИЛИ

Информационная служба «Вода живая»

Вышел очередной номер газеты «Ратное слово». Издание подготовлено Отделом по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями Санкт-Петербургской епархии и рассказывает о служении, которое несут сотрудники отдела воинских частей и местах лишения свободы. Среди сюжетов по последнему номеру – участие председателя отдела протоиерея Александра Ганьжина, в морском походе на корабле «Перекоп» и миссионерская поездка в Чечню сотрудника отдела иерея Дмитрия Василенкова.

С июля в Лавре ведутся работы по воссозданию библиотеки, бывшей в ней от основания обители (1713) и разоренной при советской власти. Библиотеку планируется сделать общедоступной, однако в первое время она будет работать лишь в режиме виртуальной справки на сайте Лавры. Как сообщили работники библиотеки, профильными будут учебная и образовательная литература, материалы о святых и подвижниках благочестия, храмах, монастырях, церковной жизни Северо-Запада России. В связи с этим библиотекари обращаются ко всем православным, к издателям и книготорговцам с просьбой принять участие в богоугодном деле. С благодарностью будут приняты все виды изданий – книги, журналы, газеты, аудио- и видеоматериалы, электронные издания. Телефон дежурного Александро-Невской Лавры – 274-11-13.

В июле Санкт-Петербургский государственный университет совместно с Русским музеем приступил к созданию виртуального образа новгородского храма XII века Спаса-на-Нередице. В проекте принимают участие исторический факультет и Смольный институт свободных наук и искусств. Предполагается, что будут воспроизведены не только архитектурный образ храма, но также фрески и церковная утварь. Кроме того, посетители смогут увидеть изменения внешнего и внутреннего убранства церкви, которые происходили на протяжении веков. По словам руководителя проекта Николая Борисова единственный способ показать современникам древний облик Спаса-на-Нередице – воссоздать его с помощью современных компьютерных технологий: «Сегодня восстановить фрески полностью уже не представляется возможным, так как 90 % из них безвозвратно утрачены». Осенью 2007 года сайт виртуального музея будет открыт по адресу www.nereditca.nw.ru.

В конце июля петербургские живописцы вернулись с двухнедельного пленэра в Антониево-Сийском монастыре (Архангельская епархия). Жить в монастыре почти 20 дней и свободно работать художники смогли благодаря Петербургскому фонду поддержки искусства, курирующему благотворительный проект «По святым местам». Проект был начат в 2000 году. Суть его проста: питерские художники, профессионалы и любители, на несколько недель выезжают в какой-нибудь монастырь на пленэр. Затем по его итогам проходят выставки. Собранные от продажи картин деньги идут на реставрацию монастырей, в которых побывали живописцы. Руководит проектом ректор Академии художеств, председатель Союза художников Петербурга, академик Альберт Чаркин. Отчетная выставка пройдет в здании Совета Федерации на Большой Дмитровке в Москве. Осенью картины можно будет увидеть в Петербурге – в Святодуховском центре Александро-Невской Лавры, а также в Манеже. В следующем году художники отправятся по городам Золотого кольца России, а потом – на Соловки.

Церемония передачи пасхального яйца «Трехсотлетие Санкт-Петербурга», созданного Тео Фаберже, внуком Карла Фаберже, прошла 31 июля в Екатерининском дворце Пушкина. Его передали из фондов Государственного музея-заповедника «Царское Село» в Государственный музей-заповедник «Павловск». «Яйцо совершает путешествие по дворцам, которые изображены на нем. Сегодня оно передается от Екатерининского дворца в Царском Селе Павловскому дворцу ровно на год», – отметил в ходе церемонии заместитель директора ГМЗ «Царское Село» Ираида Ботт. По ее словам, после того как пасхальное яйцо побывает во всех дворцах, оно, скорее всего, будет передано в коллекцию Музея истории Петербурга. Пасхальное яйцо «Трехсотлетие Санкт-Петербурга», выполненное из мрамора, хрусталя и серебра, украшенное золочением и гравировкой, было передано в юбилейном 2003 году в дар городу от имени британского ювелира Тео Фаберже Филиппом Беркенштейном, председателем фонда «Санкт-Петербургская коллекция».

Дар художника монастырю

В этом году день празднования Коневской иконы Божией Матери – 23 июля – был отмечен знаменательным событием: Коневскому Рождество-Богородичному мужскому монастырю была подарена риза на одноименный образ. Она исполнена в бисере замечательной художницей из Штутгарта Марией Хасцлер-Краснореповой.

Никогда не думала, что уеду...

Родилась Мария Петровна в 1938 году в Мордовии. «В 1943 году мы остались без отца, он погиб на фронте, – рассказала она корреспонденту «ВЖ». – Нас у мамы было пятеро. Перед тем как уйти на войну, отец научил маму охотиться – как чувствовал, что не вернется. Мама охотилась, мы грибы-ягоды собирали.

В десятом классе я жила на квартире у монашек, тети Дуни и тети Тани, – в нашем поселке средней школы не было, мы учились в соседнем селе Шадым. Монахини гонимые были, жили тем, что их тайно приглашали читать над покойниками, еще они шили и вышивали.

У них было много икон, старинных книг. Тетя Дуня и тетя Таня просили меня переписывать листы, которые были в плохом состоянии, и вклеивали мои листы в книги. В детстве вера у меня была, но потом бывали периоды неверия, я увлекалась чем-то и о Боге забывала...»

С детства Маша хорошо рисовала. После нескольких лет работы на целине поступила в Уфе в художественное училище. Любимым ее жанром стала акварель: «Всегда работала без карандаша, сразу кистью. Преподаватели говорили, что это редко бывает среди художников. Но я о себе невысокого мнения – мне говорили, а я слушала и свое дело делала. Никогда не зазнавалась».

На последнем курсе Мария познакомилась с немецким инженером

Иоганном Хасцлером: «Никогда у меня мысли не было, что я уеду в Германию. У меня герои любимые были – молодогвардейцы, Зоя Космодемьянская... Я смотрела фильмы про них и плакала. Но вот познакомилась с Иоганном, мы полюбили друг друга, решили пожениться. Меня вызывали в КГБ, говорили: «Вы что, русского не могли найти?» Я им – одно: «Мы любим друг друга». Даже маму мою вызывали, и она сказала: «Моя дочь – взрослый человек и сама решает, как ей поступить». Перед самой свадьбой я вдруг поняла – я же уеду из своей страны и вряд ли вернусь, испугалась и сказала Иоганну: «Нет, не хочу уезжать, я к тебе не поеду». Для него это было ударом, он заплакал. И я сжалилась: «Ладно, поеду».

Хотя Мария Петровна живет в Германии с 1969 года, она – гражданка нашей страны и подданство менять не собирается.

Пробуждение

Ассимиляция далась художнице тяжело: «Шесть лет в Германии я болела, у меня была страшная депрессия, – рассказывает Мария Петровна. – Это было, вероятно, какое-то психическое расстройство. А над кроватью у меня висела икона Николая Чудотворца.

Я просила мужа: «Убери икону». А он говорил: «Хорошо» – и не убирал. Иоганн был верующим католиком, в детстве прислуживал в церкви. Несколько месяцев я провела в коме. Когда очнулась, помню,

комната наполнилась сиянием, и я услышала голос: «А с кем останется твой ребенок?» В этот день я впервые опустила ногу с кровати, начала понемногу есть. Пришлось заново учиться ходить. И Иоганн, и дочь Марина меня поддерживали, но им досталось... Врач таблетки мне выписывал, но говорил, чтобы я их принимала, только когда будет совсем плохо, чтобы не возникла зависимость. И я старалась лекарства не принимать, боролась с недугом сама.

Все три года меня преследовали страшные видения, я даже спать боялась. И вдруг однажды – много лет не молилась – сказала: «Господи, огради меня!» И тварей этих, что терзали меня, перекрестила. С тех пор они стали отступать, я начала спать нормально. И теперь без «Господи, благослови!» не начинаю ни одного дела. Врач говорил мне: «Тебе надо родить второго ребенка». Когда Наташа родилась, муж и старшая дочь мне очень много помогали. Появление Наташи отвлекло от мрачных мыслей, появилась снова жажда работать.

И решила я вышить гладью икону Архангела Михаила – всегда его особенно чтит. Сказала: «Иоганн, купи мне черной шерсти». Когда начала вышивать, каждый стежок давался с трудом. К концу работы стала замечать, что стало легче, не было уже такой боли. Эта икона до сих пор у меня дома – многие мои иконы теперь в храмах, но эту никому не отдам».

В Германии Мария Петровна начала работать в технике текстильного коллажа. На Западе это стало настоящим открытием. Еще в конце 1980-х Мария Хасцлер-Краснорепова стала выставляться в России: в Центральном доме художника в Москве, в Ленинграде – в Манеже и в музее семьи Бенуа, в музее Нестерова в Уфе... А после перестройки Мария Петровна стала вышивать в России очень часто.

Дорога на Коневец

Младшая дочь Марии Петровны Наташа училась в Петербургской консерватории на композиторском отделении, здесь же закончила аспирантуру.

На первом курсе Наталья поехала на Валаам и познакомилась с отцом Исидором (Минаевым), будущим настоятелем Коневского мо-

настыря – тогда он был монахом на Валааме. «Наташа училась в католической гимназии, была католичкой, – говорит Мария Петровна. – Но эта встреча на нее так повлияла, что она решила принять Православие. Наташа пишет духовную музыку. Старшая дочь Марина – оперная певица, но сейчас пение забросила. Она тоже православная».

Наташа и познакомила мать с отцом Исидором. А идея вышить для монастыря Плащаницу появилась так: «Мы пришли на подворье Коневского монастыря на Загородном проспекте, чтобы увидеть отца Исидора. А был как раз праздник Успения Божией Матери.

Мы исповедовались, причастились. Вместо Плащаницы в храме стоял маленький ларец, в котором была отлитая из бронзы статуэтка Божией Матери. Мы приложились к ней, а потом я спросила отца Исидора: «Я такого изображения Успения никогда не видела, откуда оно у вас?» Он сказал, что это собственность одного из прихожан, он дал им на время. И я подумала – «Я им сделаю Плащаницу».

А потом узнала, что эту статуэтку украли, и в своем решении еще больше укрепилось. Приехала в Германию и начала работать. Сначала не говорила отцу Исидору, только потом сказала, и он приехал в Германию посмотреть».

Вот что сказал игумен Исидор о Плащанице корреспонденту «ВЖ»: «Канон в этой работе соблюден, но многое Мария Петровна добавила от себя».

Когда Мария Петровна привезла в монастырь Плащаницу, разговаривалась с реставраторами, которые работали над киотом Коневской иконы Божией Матери. «Мы, художники, понимаем друг друга, мы долго разговаривали.

Киот получился очень красивый. Отец Исидор рядом стоял и вдруг говорит: «Хорошо бы украсить икону ризой...»

Я тогда ничего не сказала, потом говорю ему: «Отец Исидор, я сделаю вам ризу». Но в прошлом году не получилось, не хватило черного бисера. Бисер приходится заказывать: стеклянный в Чехии, а фарфоровый в Японии.

Отец Исидор сказал: «Мария Петровна, не переживайте, на следующий год сделаете». На следующий год и сделала».

Татьяна КИРИЛЛИНА

В Петербурге освящены плиты с именами жертв авиакатастрофы под Донецком. На граните золотыми буквами высечены имена погибших – 160 пассажиров и 10 членов экипажа. Чин освящения и поминальную литию по жертвам трагедии совершил настоятель храма святых Петра и Павла в Санкт-Петербургском университете, протоиерей Кирилл Копейкин. На церемонию приехали близкие и родственники погибших.

В тот же день – 2 августа – гранитные плиты отправили на Украину, к месту закладки мемориального комплекса. Там украинская сторона уже устанавливает стелу в виде крыла самолета с надписью RA-85185 (бортовой номер лайнера). Открытие памятника приурочено к первой годовщине трагедии – 22 августа 2007 года. Позднее в ближайшем к месту авиакатастрофы поселке Новгородка будет построен православный храм.

4 августа исполнилось четыре года со дня смерти митрополита Сурожского Антония (Блума). На следующий день в храме Феодоровской иконы Божией Матери в Санкт-Петербурге после Божественной литургии состоялась встреча с режиссером Валентиной Матвеевой, создателем серии фильмов «Апостол любви» о владыке Антонии (интервью с ней см. в №8 «ВЖ»). На встрече был показан один из фильмов серии под названием «Выбор пути». В настоящее время, по словам Валентины Матвеевой, ведется работа над третьим фильмом – «Встречи в России» о поездках владыки Антония в Советский Союз. Фильм уже смонтирован, но к нему пока не написана музыка.

Панихида по Богдану Хмельницкому состоялась 8 августа в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Почтить его память предложили члены петербургского общественного движения «Наследие» («Спадщина») Донецкого, Луганского и Николаевского землячеств. В этом году исполняется 350 лет со дня смерти великого гетмана Малороссии. Как сообщил «ВЖ» пресс-секретарь «Спадщины» Сергей Лисовский, 6–7 сентября 2007 года движение также проведет в городе «Первый Международный семинар народной дипломатии», приуроченный к 350-летию со дня смерти Богдана Хмельницкого. Тема встречи: «Украина – Россия. Проблемы и перспективы. Что дальше?».

Дополнительную информацию о планирующихся мероприятиях можно получить по телефону: (812) 928-91-03; а также по e-mail: blm78@mail.ru.

10 августа в Петербурге прошел день памяти первого мэра города Анатолия Собчака. В этот день ему бы исполнилось 70 лет. В полдень по традиции у могилы Собчака на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры собрались его близкие, коллеги и друзья, была отслужена панихида. Церемонию посетили губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и члены городского Правительства.

Анатолий Собчак родился 10 августа 1937 года в Чите. В 1959 году окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. Работал в Ставропольской краевой коллегии адвокатов, затем заведующим юридической консультацией в Ставропольском крае. С 1982 года он был профессором Юридического факультета Ленинградского государственного университета.

20 февраля 2000 года около 01.00 ночи Анатолий Собчак скончался в Светлогорске (Калининградская область). По заключению судмедэкспертов, причиной смерти стала острая сердечная недостаточность.

В арт-галерее «Либерти» до 16 сентября открыта выставка «Русь советская! Русские храмы в эпоху великихстроек».

В экспозиции представлены картины советских художников-соцреалистов – Владимира Холуева, Алексея Балькина, Аскольда Русина, Сергея Тумакова, Юрия Кузьмина, Виктора Большакова. Эти произведения не выставлялись в советское время. Их общая черта – храмы, как центральный элемент пейзажа. «Художник руководствуется не рассудком, а интуицией: они не понимали, почему это делают, но делали. А мы, глядя на их работы, видим, что это не только красота, но и то, на чем Русь держится», – сообщил «ВЖ» Михаил Гацкевич, куратор выставки и арт-директор галереи.

Адрес галереи: Санкт-Петербург, ул. Пестеля, 17/25. Телефон: (812) 579-4410, e-mail: art-liberty@mail.ru, сайт: www.libertyartgallery.ru.

Фотографии: Станислав МАРЧЕНКО

Новая жизнь Старой Ладоги

Этим летом к Старой Ладоге было приковано нешуточное внимание. С 5 июля по 8 августа здесь проходил «Международный летний культурно-исторический университет для соотечественников, проживающих за рубежом»

Организатор проекта, Комитет по внешним связям Администрации Санкт-Петербурга, пригласил студентов из стран Балтии изучать историческое наследие Старой Ладоги: слушатели «Университета» имели возможность посещать просветительские лекции ведущих петербургских специалистов по истории России. В роли гида для при-

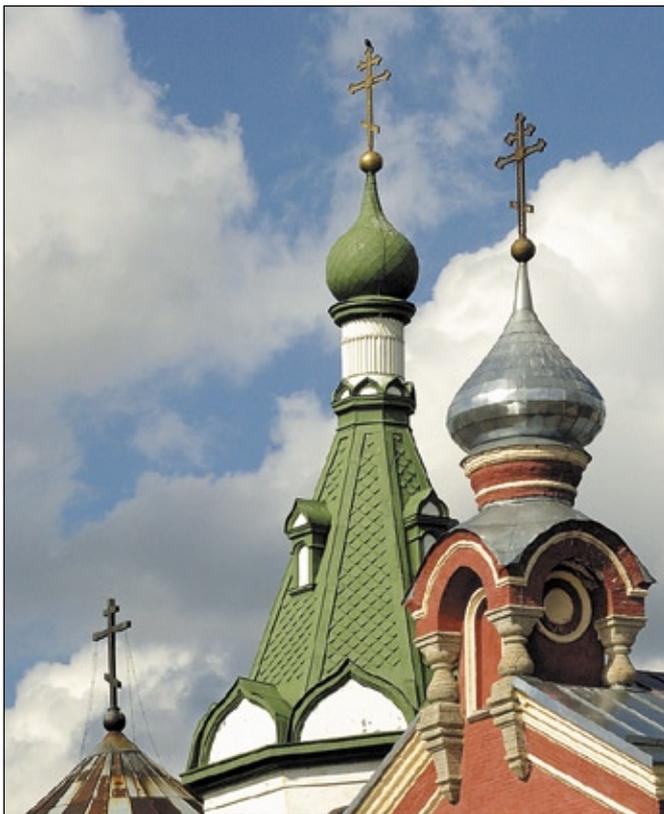
ехавших студентов выступал Анатолий Кирпичников, профессор и заслуженный деятель науки РФ, автор 450 научных работ, который на протяжении 30 лет руководит археологическими раскопками в центре Старой Ладоги.

Сегодня многие храмы древнего города нуждаются в серьезной реставрации, а то и в вос-

создании. Например, Крестовоздвиженская церковь, построенная вместе с больничным корпусом в 1862 г. архитектором А. М. Горностаевым в старорусском стиле, до сих пор обезглавлена, несмотря на проводившиеся ремонтные работы в ее залах. А главный храм Никольского монастыря, относящийся к XII–XIII векам, находится в руинах.

От древнейшей постройки сохранились лишь фундамент и незначительные части стен и столбов. Кстати, на западной паре столбов, в нижних частях, открыты фрагменты настенной росписи XII века.

Дело в том, что долгое время Успенский и Никольский монастыри находились в ведении музея-заповедника, который не торопился их

восстанавливать. Но несколько лет назад монастыри стали самостоятельными. Первой, в 1991 году, открылась церковь Иоанна Предтечи, в 2003 году верующим был передан Никольский монастырь, а в 2005 году – Успенский. Последний начал свою новую жизнь в здании бывшей школы-интерната, которой предоставили другое помещение.

Три старолადожских храма из шести – святого Георгия, Успения и один из храмов Никольского монастыря – отреставрированы за последние пять лет.

Все три церкви – редкие памятники старины. Небольшой (площадью всего 72 кв. м.) храм святого Георгия Победоносца начали и за-

кончили строить в 1165 году. Затем одно или два лета он просыхал: в северном климате нельзя было сразу расписывать, и, как утверждают историки, роспись была завершена в 1167–68 годах. Храм Успения Богородицы возвышается в центре архитектурного ансамбля Успенского монастыря. С XII века церковь Успения была центром Богородицкого конца Старой Ладогы и ограничивала территорию городского посада.

Конечно, еще не стерлись следы некоторого запустения, которыми отмечены многие здания, но ясно одно: церковная жизнь в Старой Ладоге постепенно налаживается.

Владимир ДУКЕЛЬСКИЙ

В Петербурге появится орден в честь супруги Павла I императрицы Марии Феодоровны, освятить его планируется на Афоне. Орденом будут награждать частных лиц и организации за благотворительность. Он представляет собой композицию из цветов, которые любила Мария Феодоровна, крыльев, символизирующих ее творческую натуру, креста, короны и алой ленты со словами «За жертвенность и попечение». Инициатор создания ордена – общественная организация «Золотая книга Санкт-Петербурга». Награждение первых лауреатов планируется провести в июле 2008 года.

12 августа, в день рождения цесаревича Алексея, в петергофском парке Александрия на развалинах Нижней дачи прошел молебен святому царственному страстотерпцу. Именно в этом месте – одном из императорских летних дворцов – в 1904 году родился цесаревич. Отслужили молебен священник Валерий Камитов, настоятель храма Андрея Первозванного, и священник Алексей Кольцов, настоятель храма Петра и Павла в Знаменке. Затем все поднялись к дворцу Коттедж и возложили цветы к памятнику цесаревича. Единственный сын императора Николая II цесаревич Алексей после революции 1917 года разделил судьбу своей семьи: в ночь на 17 июля 1918 года 14-летний Алексей был расстрелян в Екатеринбурге вместе с другими членами царской семьи. В 1961 году здание Нижней дачи, где родился цесаревич, было взорвано. Однако ежегодно начиная с 1994 года на развалинах в день и час рождения сына Николая II (13 часов 15 минут) служат молебен.

III Патристические чтения пройдут 25–26 января в Республиканском гуманитарном институте СПбГУ. Главным организатором является российско-итальянский фонд «Диалог культур». Тема конференции – «Мученичество и святость в XX веке (христианские традиции в современном обществе и культуре)». К участию приглашаются представители православной, католической и протестантской традиции, а также светские ученые. Приветствуются как сообщения по общим темам (влияние исторического опыта XX века на представление современных христианских Церквей о святости и мученичестве; трансформация идеи святости и мученичества в сегодняшней действительности, возможность понятия «светской святости»), так и доклады биографического плана. Заявки принимают до 30 сентября 2007 года. Телефон: 8 (901) 317-17-43, контактное лицо – Александр Анатольевич Конев.

12 августа в Петербурге вспоминали погибших моряков с подлодки «Курск». Традиция поминовения «всех погибших на водах» в Николо-Богоявленском морском соборе берет начало со времени его возведения в середине XVIII века. После гибели подлодки «Курск» в часовне при храме установили доску с именами 118 подводников. Около двухсот родных и близких моряков пришли в воскресенье 12 августа и на Серафимовское кладбище. Там, на Аллее Героев, похоронены 32 из 118 членов экипажа АПЛ «Курск».

<http://news.aquaviva.ru>

www.aquaviva.ru

- самая полная ежедневно обновляемая лента новостей о жизни Санкт-Петербургской епархии
- анонсы и объявления
- содержание текущего номера журнала «Вода живая» и архив вышедших номеров в формате pdf

Если вы знаете о том, что произошло или должно произойти на вашем приходе, вашей улице, в вашем районе, и считаете, что это будет интересно читателям «Воды живой», пишите по адресу: news@aquaviva.ru

Академики и Церковь нашли общий язык

Нужно ли вводить в российских школах Закон Божий? Действительно ли можно говорить о неоправданном вмешательстве Церкви в дела государства? Эти вопросы 8 августа обсуждали в петербургском пресс-центре информационного агентства «Росбалт».

В конце июля группа российских ученых направила открытое письмо президенту Путину. Подписи под ним поставили видные деятели науки, в том числе лауреаты Нобелевской премии физики Жорес Алферов и Виталий Гинзбург, на что автоматически отреагировали СМИ, превратив «письмо академиков» в один из самых популярных сюжетов этого лета. В обращении ученые возмущаются «все возрастающей клерикализацией российского общества» и «активным проникновением Церкви во все сферы общественной жизни». По их мнению, Русская Православная Церковь всеми средствами пытается навязать обществу религиозность.

Конкретные претензии, озвученные в письме, следующие. Во-первых, по мнению авторов послания,

Русская Православная Церковь активно внедряется в сферу государственного образования, в частности, пытается «протасить» теологию в Высшую аттестационную комиссию и придать ей статус научной дисциплины, что противоречит истине, так как «любая научная дисциплина оперирует фактами, логикой, доказательствами, но отнюдь не верой... Вообще-то все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира. Ничего иного в современной науке просто нет», — утверждают академики. По поводу религиозного образования в средней школе позиция заявлена еще более жестко: «под видом «Основ православной культуры» нам пытаются ввести (и вновь в обход Конституции) «Закон Божий».

Во-вторых, по мнению академиков, Церковь уже внедрилась в вооруженные силы и в общественную жизнь. С возмущением они пишут о том, что СМИ «рекламируют религиозные церемонии окропления новой боевой техники» и регулярно запечатлевают священников в кругу «высокопоставленных представителей власти».

Встреча сторон «лицом к лицу» во многом прояснила ситуацию. В Петербурге и Москве 8 августа одновременно прошли два похожих «круглых стола» с участием авторов письма и представителей «обвиняемой» стороны — Русской Православной Церкви. Тема петербургской встречи была обозначена как «Дело» академика Гинзбурга: российские ученые против клерикалов». На роли принципиальных оп-

понентов пригласили, с одной стороны, подписанта обращения Евгения Александрова, доктора физико-математических наук, академика, а с другой — протоиерея Александра Сорокина, председателя Издательского отдела Санкт-Петербургской епархии. Еще одним представителем Церкви в президиуме был сотрудник епархиального Отдела по делам молодежи Сергей Волобуев. Остальные спикеры — ученые, журналисты, политики — были призваны озвучить позицию светского сообщества.

Однако запланированная «битва» клерикалов с атеистами не состоялась. Ни академик, ни священник не стали призывать соратников на баррикады: «Мы не рассчитывали на какой-то резонанс. Мы просто озвучили собственную позицию, —

заверил собравшихся Евгений Александров. — Лично я не верю, что из этого конфликта что-то серьезное может выйти». Протоиерей Александр Сорокин также не выразил желаний «воевать» с учеными. Он сообщил, что считает появление «письма академиков» вполне естественной реакцией на усиление позиций Церкви в стране, связанное не с поддержкой государства, а с «новой волной интереса к Церкви со стороны российского общества, — более глубокого интереса по сравнению с началом 90-х годов. . . Превращение Церкви в идеологическую составляющую государственного аппарата — это очень опасно, и в самой Церкви многие этого очень не хотят», — заверил оппонентов отец Александр.

Практически все выступавшие были единодушны в мнении, что превращение Церкви в «идеологическую» надстройку госаппарата недопустимо. Более того, представители Церкви сообщили, что не претендуют на монополию ни в общественной жизни, ни в культуре: «В нашем многосоставном обществе невозможно доминирование какой-либо одной мировоззренческой системы. Естественно-научное знание и знание богословское, в основе которого лежит духовный опыт, имеют равное право на существование», — сказал «клерикал» Сергей Волобуев. В то же время, как заметил священник Владимир Хулап, референт петербургского филиала Отдела внешних церковных связей (ОВЦС), инициатива участия Церкви в общественной жизни сегодня исходит не столько от самой Церкви, сколько от светских организаций: «Представителей епархии постоянно приглашают на различные светские мероприятия, и при этом многие из них мы оставляем без ответа, так как у нас нет такого количества сотрудников, чтобы их всюду посылать». По поводу проникновения Церкви в армию «клерикалы» также представили сдержанную позицию: «С одной стороны, Церковь всегда учит патриотизму, и защиту Родины считает священной обязанностью православного христианина, но с другой — освящение оружия, особенно массового поражения, лично для меня — это вопрос», — сказал протоиерей Александр Сорокин.

Выраженное столкновение взглядов было заметно лишь при обсуждении участия Церкви в системе го-

сударственного образования. В частности, возможного введения курса «Основ православной культуры» в российских школах.

Так, Светлана Забеляева, председатель петербургского отделения политической партии «Гражданская Сила», огласила официальное обращение своей организации: «Мы считаем, что навязывание — именно навязывание в форме откровенной пропаганды — людям догм сегодня отравляет общественный климат, а не создает условие для духовности».

В похожем ключе выступил и ответственный секретарь петербургского отделения Российского общественного молодежного движения «Оборона» Дмитрий Избицкий: «Я негативно отношусь к попытке проникновения Церкви в систему государственного образования. Вместо преодоления духовного кризиса введение нового предмета обрекает россиян на духовный раскол», — сообщил он и рассказал о случаях протестов верующих неправославных конфессий и атеистов против введения основ православной культуры в школах Брянской, Калужской и Смоленской областей.

Но и здесь острой полемики не получилось. Протоиерей Александр Сорокин также высказался против «навязывания» веры и подчеркнул, что «речь может идти о культурологическом предмете. У истоков российской культуры в любом случае стоит Православие, и такой предмет нужен. Но, конечно, он не должен преподаваться в той форме, в которой преподавался Закон Божий в России до 1917-го года — к чему это может привести, хорошо известно. Я считаю, что именно навязывание Церкви обществу стало одной из многих причин революции», — сказал отец Александр.

Перспективу для продолжения диалога обозначила Марианна Шахнович, заведующая кафедрой религиозоведения философского факультета СПбГУ: «Пора перейти от споров о формальных вещах к содержательному разговору. Например, о том, как обеспечить социальный статус выпускникам духовных учебных заведений, дипломы которых на сегодняшний день не признаются большинством госучреждений. А то сейчас у нас доктор теологии даже библиотекарем не может устроиться».

Анастасия КОСКЕЛЛО

Выдержки из открытого письма президенту РФ В.В. Путину:

«Что касается попыток внедрения теологии в ВАК (Высшая аттестационная комиссия (— прим. ред.), они начались отнюдь не сегодня. Но раньше ВАК ощущала мощное давление, не видимое постороннему глазу. После Собора оно уже не скрывается. А на каком основании, спрашивается, теологию — совокупность религиозных догм — следует причислять к научным дисциплинам? Любая научная дисциплина оперирует фактами, логикой, доказательствами, но отнюдь не верой».

«Внедрение церкви в государственный орган — очевидное нарушение Конституции страны. Впрочем, церковь уже внедрилась в вооруженные силы, СМИ рекламируют религиозные церемонии окропления новой боевой техники (спускаемые на воду надводные и подводные корабли окропляются в обязательном порядке, но, увы, не всегда это помогает). Широко освещаются религиозные церемонии с участием высокопоставленных представителей власти, и т.д. Все это примеры активной клерикализации страны».

«Иерархи РПЦ призывают Правительство ввести во всех школах России обязательный предмет — «Основы православной культуры». Надо сказать, идея запустить религию в школы страны вынашивается давно. В циркуляре Алексея II N 5925 от 9 декабря 1999 г, обращенном ко «всем епархиальным преосвященным», отмечается, что «мы не решим задачи духовно-нравственного воспитания будущих поколений России, если оставим без внимания систему государственного образования». В заключительной части этого документа сказано: «Если встретятся трудности с преподаванием «Основ православного вероучения», назвать курс «Основы православной культуры», это не вызовет возражений у педагогов и директоров светских учебных заведений, воспитанных на атеистической основе».

«Год назад петербургская школьница Маша и ее папа обратились в суд с требованием включить в программу средней школы по биологии теорию творения человека божественной силой (креационизм) вместо «устаревшего и ошибочного» дарвинизма. Абсурдная сложилась ситуация: почему-то суд должен решать, верна ли теория эволюции, которая утверждает, что жизнь на Земле зародилась свыше трех миллиардов лет назад, или же справедлива теория творения, которая, в отличие от эволюционной теории, не может представить ни одного факта и тем не менее утверждает, что жизнь на Земле существует несколько тысяч лет. Казалось бы, это вопрос, относящийся только к компетенции науки. Однако Маша и ее папа получили поддержку от патриарха Алексея II, который на Рождественских образовательных чтениях заявил: «Никакого вреда не будет школьнику, если он будет знать библейское учение о происхождении мира. А если кто хочет считать, что он произошел от обезьяны, — пусть он так и считает, но не навязывает это другим». А что если в школе изъять любые доказательства, забыть про элементарную логику, полностью выхолостить последние остатки критического мышления и перейти на зазубривание догматов, тоже никакого вреда не будет? Кстати, чтобы все было точно, ни Дарвин, ни его последователи никогда не утверждали, что человек произошел от обезьяны. Утверждалось лишь, что у обезьяны и человека были общие предки».

«Верить или не верить в Бога — дело совести и убеждений отдельного человека. Мы уважаем чувства верующих и не ставим своей целью борьбу с религией. Но мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования «материалистическое видение мира», подменить знания, накопленные наукой, верой. Не следует забывать, что провозглашенный государством курс на инновационное развитие может быть осуществлен лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует».

Академики Российской академии наук Е. Александров, Ж. Алферов, Г. Абелев, Л. Барков, А. Воробьев, В. Гинзбург, С. Инге-Вечтомов, Э. Кругляков, М. Садовский, А. Черепашук

Море житейское

«Бесплатное» чувство Бога

Александр Щипков – известный церковный журналист, петербуржец, уже несколько лет работающий в столице. О своих ощущениях периода вхождения в Церковь, о журналистике и политике он рассказал в интервью «Воде живой» во время недавнего визита в Петербург.

АНАСТАСИЯ КОСКЕЛЛО РЕДАКТОР НОВОСТНОЙ СЛУЖБЫ «ВОДА ЖИВАЯ»

Вы пришли в Церковь в 70-е годы, поменялось ли ваше ощущение от Православия с тех пор?

Поменялось, конечно. Тогда оно было восторженно-неофитским... Замечу при этом, что я никогда не употребляю слово «неофит» в уничижительном смысле. Неофитство – это дар Божий, это то, что человек еще не заслужил, это то, что Господь дает ему как бы «наперед».

Что же особенного в этом состоянии?

В период неофитства Господь дает человеку почувствовать Себя, – еще только Себя, а не Церковь. Просто ты неожиданно начинаешь чувствовать, что Он есть. Ты еще не в состоянии сформулировать то, что произошло, как-то логично описать свое состояние, есть только ощущение, что есть ты, и есть Он, Бог, и ты начинаешь с Ним разговор. Ты еще не знаешь красоты канонических молитв, ты молишься стихийной, полубесвязной молитвой... Вообще это состояние эйфории, блаженства и одновременно тревоги и волнения перед открывающимся пространством.

Думаете, подобное испытывают все, кто приходит в Церковь?

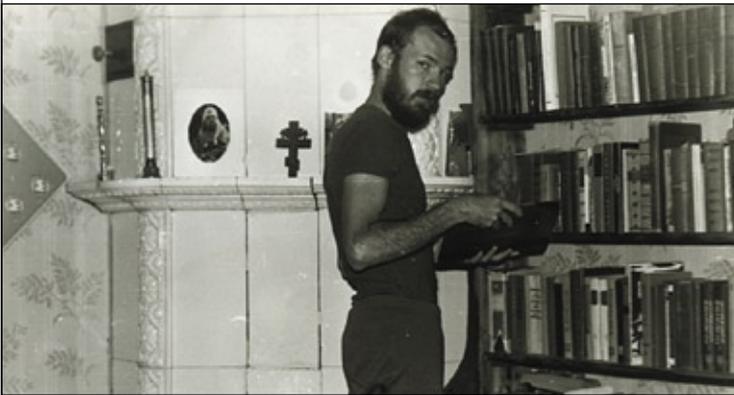
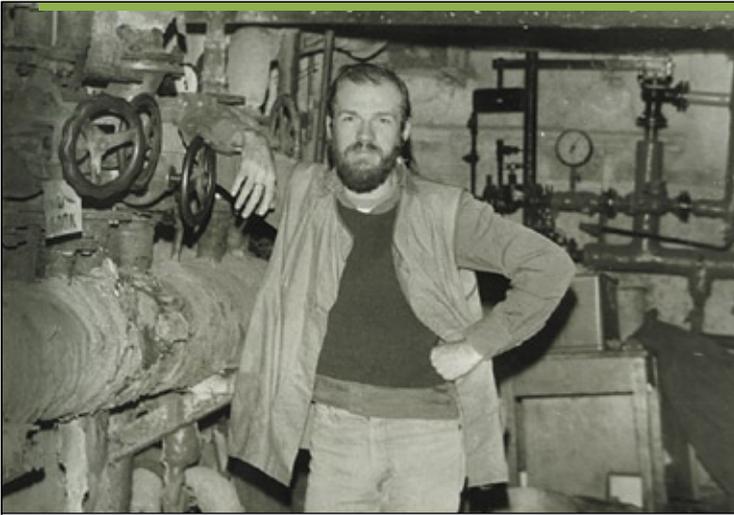
Уверен, что Бог однажды открывается каждому человеку. Лично. Персонально. Интимно. Другое дело, что один это первое обращение Бога к нему услышит и «подхватит», а другой – отвергнет или просто поленится на него ответить.

А когда это состояние заканчивается?

Когда ты начинаешь эту свою неоформленную молитвенную жизнь оформлять, структурировать и помещать в какие-то рамки.

А что, можно без рамок?

Нет, нельзя. Религиозная жизнь без рамок и дисциплины – путь в ересь. Обычно в Православной Церкви люди начинают регулярно ходить на Литургию, вычитать утреннее и вечернее правило, строго поститься, меняют одежду, прическу. Вообще в пределе неофит стремится к монашеству. От этого, кстати, люди окру-

жающие начинают над ним посмеиваться: мол, смотри, шею сломаешь.

Над вами тоже смеялись?

Конечно, как и над многими в такой ситуации. Но на самом деле ничего тут смешного нет. Кажется, что неопитство – это только внешняя форма, а ведь за ней стоит очень важное содержание. Неопитство – это состояние «бесплатного» чувства Бога.

И что приходит ему на смену?

Ну а дальше – не то, чтобы ты стал теплохладным, но это «бесплатное» состояние эйфории заканчивается. Дальше нужно прилагать усилия, работать. Причем, помня этот свой замечательный опыт, – и головой, и сердцем, – ты хочешь вернуть его, а это оказывается очень трудно. Особенно, когда есть какие-то неудачи и падения. Из-за них иногда даже отдаляешься от Бога.

То есть перестаешь ходить в церковь?

Ходить в церковь на богослужения очень важно, но церковная дисциплина – это в первую очередь внутренний порядок. Порядок, который ведет тебя к Евхаристии. Но кто сказал, что православный человек – это только тот, кто регулярно ходит в церковь? А если у человека ног нет? Ну, допустим, причащаться можно на дому... Но даже если он не причащается, разве можно исходя из этого утверждать, что он – не православный, не христианин? Он может всю жизнь сидеть в заточении или быть за что-то отлучен от Причастия на двадцать лет. Мало ли как бывает в церковной жизни... Да даже если он некрещеный: ведь если человек крестится не в младенчестве, а в сознательном возрасте, значит, он крестится по вере – то есть он сначала обрел православную веру и стал православным христианином, а потом уже принял Крещение и вступил в Церковь со все-

ми добровольно взятыми на себя дисциплинарными обязанностями.

То есть человек, отдаляясь от Бога, может оставаться христианином?

Вся жизнь христианина – это вообще некая «синусоида», это постоянное борение, он то приближается к Богу, то от него отдаляется. Но как только опустишься, Бог напоминает о себе и помогает тебе опять подняться. Главное – не забывать в суматохе жизни просить у Него помощи и за эту помощь благодарить.

Изменилась ли, на ваш взгляд, Русская Православная Церковь с тех пор, когда вы сами были неопитом?

Тут надо сделать необходимое уточнение: Церковь со дня устроения ее Иисусом Христом не меняется. То есть Церковь – это, по мистической сути, не видоизменяемое явление. А внешне – конечно же, идет исторический процесс, и Церковь в нем участвует. Видимая часть Церкви, конечно, меняется. Меняется язык, музыка, архитектура.

А люди?

С этим сложнее. Конечно, можно, наверное, говорить о духе Церкви – не в смысле мистическом, а в смысле субъективного ощущения. Он создается из внешнего вида духовенства и мирян, из манеры говорить, общаться. В таком смысле дух Церкви, конечно, поменялся по сравнению с семидесятыми годами. Тогда каждый, кто заходил в храм, испытывал чувство пусть минимального, но риска. Ощущение было, как в аэропорту: прошел паспортный контроль – считай, уже улетел... Это было все равно что оказаться на запретной территории. У старушек, которые в основном тогда были на приходах, может, такого острого чувства и не было – хотя тоже мог-

ло быть, ведь репрессии коснулись почти всех семей в стране. При этом я не утверждаю, что пришел в Церковь в очень уж опасные времена: все-таки семидесятые – это не двадцатые, за веру уже не закапывали заживо и не расстреливали.

Но атмосфера риска, о которой вы говорите, в начале 90-х исчезла...

Да, это было сложное и путаное время. У меня лично возникло ощущение, что в мою Церковь пришли чужие люди – комсомольцы. Я очень ревностно к этому относился. Первое чувство было такое: «А по какому, собственно, праву?! Вы – чужие, вы – внешние...»

Это было очень опасное чувство, потому что нет в Церкви «внешних». Интеллектуально я это и тогда понимал, – я знал, что Церковь по определению открыта для всех, – но вот эмоционально я с этим примирился не сразу. Помогло время. Это было как грипп: он ведь может и сам пройти, без антибиотиков, только чуть дольше длится выздоровление.

Но от гриппа-то можно и умереть...

Да, можно. Поэтому, кстати, многие в тот период по тем причинам, о которых я говорил, ушли из Русской Православной Церкви в различные самосвятские юрисдикции. Ушли, но вернутся. Не сами, так их дети вернутся. А для тех, кто остался, этот период 90-х был очень важным временем отстаивания своего права быть в Церкви. В результате многие, наконец, стали ощущать себя в Церкви хозяевами.

Это хорошо?

Почему нет? Мы любим свою Церковь, мы заботимся о ней, уважаем ее правила и установления. Мы члены Церкви и мы хозяева в ней. Заботливые и рачительные.

В Русской Православной Церкви, к сожалению, это чувство – быть хозяином в Церкви – не очень развито у мирян, да и у некоторых священников его пока нет. А если ты не чувствуешь себя полноценным хозяином дома, то значит не берешь на себя ответственность за этот дом.

И все же многие пришедшие в Церковь в шестидесятые–семидесятые с восторгом вспоминают о временах запретов, самиздата, кочегарок. Они говорят, что жить тогда было интереснее...

Так говорят только те, кто наблюдал за процессом со стороны. Однажды моя бывшая преподавательница сказала: «Саша, какая у вас в кочегарках была глубокая насыщенная жизнь!» Я ответил: «Кочегарка это не только собрания поэтов, философов, художников. Кочегарка – это грязь, водка, мат, ржавые экономайзеры, дикий непрекращающийся рев насосов, крысы, сырость, утечки газа, аварии при минус двадцать. И полная беспроектная уверенность, что так будет всегда».

А как вы стали церковным журналистом?

Случайно. Я ведь до 1992 года был рабочим, – работал слесарем, кочегаром... Только когда распался Советский союз, появились какие-то другие возможности. Тогда мои друзья создали ХИАГ – «Христианское информационное агентство», и мне предложили стать корреспондентом. И вот я бегал по городу, собирал новости и потом звонил в агентство и надиктовывал информашки. Тогда ведь компьютеров не было, а самым прогрессивным средством связи были факсы.

В одном из своих публичных выступлений в 2006 году вы сказали, что журналист – это такое «особое создание с амбициями власти»...

Есть такая психологическая черта у всех журналистов: они хотят, чтобы их услышали. Журналисты, безу-

словно, хотят влиять на общественные и политические процессы. Когда они пишут текст, они рассчитывают на отклик – ведь если отклика не ждать, то и писать-то незачем. Профессия такая.

Сейчас вы занимаетесь политикой. Что вы думаете по поводу системы отношений между Церковью и государством, сложившейся в России?

Я считаю, что этим отношениям пора перейти от стадии «умозрительных концепций» к стадии соглашений практического характера. Ведь прежде чем предлагать какие-то теоретические концепции религиозной политики, нужно исследовать ситуацию на местах: какие, собственно, существуют проблемы, какие вопросы наи-

более актуальны. В результате этой работы должна будет появиться гибкая система соглашений государства с различными традиционными религиозными организациями.

А не приведет ли такая тесная связь с государством к ущемлению свободы Церкви?

Нигде в мире, в том числе и в России, религиозные организации никогда не существовали абсолютно независимо от государства. Но и государство существенно зависит от Церкви, поскольку Церковь способна кардинально влиять на мировоззрение всего народа. Только продуманные партнерские отношения между двумя этими субъектами будут приносить пользу людям.

Александр Владимирович Щипков

Родился в 1957 году в Ленинграде.

В 1970–80-е годы участвовал в подпольном православном движении. В 1978 году был поражен в социальных правах и исключен из Смоленского педагогического института (факультет иностранных языков) с пятого курса с формулировкой: «за поведение, несовместимое со званием советского студента». Печатался в самиздате. В 1978–80 гг. служил в Советской армии в Туркестанском военном округе. До 1992 года был рабочим на предприятиях Ленинграда. В 1994 году получил разрешение закончить институт, после чего преподавал социологию религии на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

С 1995 г. по 2002 г. работал редактором программ о религии на Радио России (ВГТРК)

В 2000 году в Институте философии РАН защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Социальная философия». В 2001–2003 гг. был директором региональных проектов МедиаСоюза.

С 2002 года – главный редактор Интернет-портала «Религия и СМИ» (www.religare.ru). Заместитель председателя Методического совета по освещению религиозной тематики в СМИ при Минпечати РФ (с 2000 г.). Председатель Гильдии религиозной журналистики (с 2001 г.). Председатель Клуба Православных журналистов (с 2007 г.). Ответственный секретарь Попечительского совета Императорского Петропавловского собора Санкт-Петербурга (с 2007 г.). Советник Председателя Совета Федерации.

Автор книг «Во что верит Россия» (1998), «Соборный двор» (2003), «Христанская демократия в России» (2005). Женат. Четверо сыновей.

Храм на Шпалерной

Когда на карте молодого Петербурга начали появляться первые храмы, возникла необходимость наполнить их чтимыми иконами. Так, в начале XVIII века из московской церкви Преображения Господня на улице Ордынке в новую домовую церковь при дворце царевны Натальи Алексеевны перенесли чудотворную икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Петр I, желая собрать в Петербурге представителей высшего света России и других стран, дарил своим приближенным и родственникам земельные участки в городе. Своей любимой сестре Наталье Алексеевне он выделил землю на месте пересечения нынешних Шпалерной улицы и проспекта Чернышевского.

Здесь в 1711 году для нее построили каменный дворец и в том же году устроили в нем домовую церковь Воскресения Христова. Церковь и ее посвящение напоминают нам о том, что Петру I удалось избежать пленения во время Прутского похода. Воскресенским впоследствии был назван и проспект, ныне носящий имя Чернышевского.

Перенесенная из Москвы икона прославилась в 1688 году. Сестра Патриарха Иоакима, Евфимия, жившая в Москве, долгое время страдала от болезни, не поддававшейся лечению. Однажды она услышала голос: «Иди в храм Преображения Сына Моего; там есть образ, именуемый «Всех скорбящих Радость». Пусть священник отслужит молебен с водосвятием, и получишь исцеление от болезни». Девушка, выполнив указанное, выздоровела.

Известная своей набожностью и милосердием, Наталья Алексеевна устроила в своем доме первую в Петербурге богадельню. Царевна умерла в 1716 году, но дело ее продолжилось. Сам Петр, любивший бывать в гостях у сестры, повелел воспитывать в доме подкинутых детей. Спустя несколько лет, в 1733 году, церковь подчинила себе дворец: над сенями и крыльцом была возведена колокольня. Один из ее колоколов являлся уменьшенной копией московского Царь-колокола.

Благое дело не стояло на месте, и вскоре домовая церковь превратилась в приходскую. В 1795–96 годах по проекту архитектора Г. П. Пильникова для церкви было построено отдельное каменное здание в стиле строгого классицизма и новая колокольня. В 1801 году церковь перешла в епархиальное ведение Синода.

Спустя десять лет комплекс церковных зданий сильно пострадал от пожара: сгорели сарай и колокольня. Сама же церковь, хотя и выстояла, сильно обветшала.

Тем не менее «пожар способствовал ей много к украшению». 20 июня 1817 года на месте снесенной церкви митрополитом Амвросием (Подобедовым) был заложен первый камень новой церкви.

Она была построена в стиле высокого классицизма по проекту швейцарского архитектора Луиджи Руска, автора портика Перинной линии. Строительство вел архитектор Л. Шарлемань. Церковь получила вид ротон-

ды, украшенной 24 ионическими колоннами из искусственного мрамора, несущими легкий купол. 24 октября (шестого ноября) 1818 года состоялось освящение церкви во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В середине века икона получила богатейшую ризу, украшенную драгоценными камнями, в том числе двумя красивейшими сапфирами.

Через 50 лет образ повторили с восточной наружной стороны храма. Список, выполненный на меди академиком И. А. Тюриным, был вставлен специально устроенную для него нишу на фасаде здания.

Храмовая икона всегда была очень любима прихожанами. Ее часто носили по домам для совершения молебнов. Перед ней молились и царские особы. В 1768 году Екатерина II перед прививкой от оспы пешком приходила помолиться в церковь. Часто приезжала и Мария Федоровна, вдова Павла I.

На рубеже 20-х – 30-х годов XX века церковь была закрыта, но не разрушена. С фасадов убрали фигуры ангелов с крестом, имущество передали в другие храмы. Здание стали использовать для самых различных нужд, в том числе здесь поместили Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Сегодня церковь возрождается. В ней постоянно ведутся богослужения, восстановлена солея, благоукрашен алтарь. Восстанавливается иконостас.

Кроме того, церковь ведет обширную духовно-просветительскую работу. В 2004 году при ней открыт культурный центр «Лествица», где известные ученые и священники Петербурга читают лекции. Здесь изучают Священное Писание, иконопись, историю Церкви, проводятся выставки, кинопоказы, музыкальные и поэтические вечера. Открыта воскресная школа и школа церковнославянского языка.

Но этим деятельность церкви не ограничивается. Посетителей приглашает постоянная выставка «Неизвестная и неоконченная война», посвященная блокаде Ленинграда, а также Музей новомучеников Санкт-Петербургской епархии.

В период с августа по октябрь 2001 года компанией «Лапин Энтерпрайз» была произведена реставрация фасада церкви с лепными барельефами. Лепные барельефы до этого времени никогда не реставрировались. И компания была первой, выполнившей их полноценную реставрацию, – воссоздание утрат, удаление старых окрасочных слоев, бережную расчистку и окраску.

Сайт прихода: www.bcex.ru

Текст: Юлия ТЕРЕХОВА
Фото: Антонина БАЙГУШЕВА

Рубрика выходит при поддержке
реставрационной компании
«Лапин Энтерпрайз»

«Каждый камешек ждет своего часа»

Владимир Михайлов – русский художник-самоучка, камнерез. Прикладным искусством занимается с 1985 г. Основная тема его творчества – православные сюжеты и образы святых. За двадцать лет работы с камнем мастер достиг высокого уровня каноничности и точности художественной формы. Его стиль относится к новгородской, северной школе русского искусства, которой исторически присущи лаконичность, простота и в то же время – выразительность и одухотворенность.

ИРИНА БОНДАРЕНКО КОРРЕСПОНДЕНТ

С 2005 года работы Владимира Михайлова начали выпускаться на производственной базе «Балтийской Ювелирной Компании». Иконы, кресты с клеймом «Владимир Михайлов» востребованы и духовенством, и светскими людьми в России и во всем мире, они получили признание на международных выставках ювелирного искусства и стали украшением частных коллекций.

Сейчас, спустя много лет кропотливого ручного труда, мастер пользуется современными технологическими возможностями, но по-прежнему работает в своей маленькой мастерской, оборудованной прямо у него в доме, под Новгородом...

Владимир, какой была ваша первая работа?

Помню, нашел на берегу реки голыш, который сам лег в руку, и вместо того чтобы запустить его в воду блинчиком, принес домой. Полистал книги по новгородскому искусству, вырезал священнический крест сантиметром восемь высотой и подарил знакомому батюшке. С тех пор у нас завязалась дружба. Стали появляться заказы: изобрази такой образ, изобрази другой. В камнях у нас недостатка нет, окатыши всех оттенков устилают землю... Предложений было много, даже в промышленных масштабах: мы тебе заготовим плашек, камней – только режь! Но не пошло: нужно самому найти камень, самому его обработать, отшлифовать – только тогда родится образ. Через усердие и кропотливость. Иначе камень остается холодным.

А бывает, что камень трескается?

Как школьник, всегда этого боюсь! Трещины коварные, бывает, иную заметишь только в процессе работы, но, слава Богу, я научился их выявлять. Нужно камень намочить, а потом резко охладить – тут-то они и обнаружат себя. Важно еще слушать каменный звук. Постучишь по нему молотком, прислушаешься... Раньше у меня не было алмазных приспособлений, как сейчас, все резал обычными инструментами, а проверял рукой и ухом.

Теперь вы создаете модели из пластмассы, а их отливают из металла – золота и серебра. Что при этом изменилось в работе?

Если бы двадцать лет до того я не резал камень, а сразу бы соблазнился на пластмассу, может, меня как художника уже и не было бы. Сопротивления в пластмассе немного. Камень – это все-таки философия, прожилки в нем, кристаллы внутренние, которые надо обходить. А пластмассу можно нарастить, если что не вышло. Поэтому, мне кажется, тот, кто начинал на более легком материале, далеко не пойдет: диалога с материалом нет. Но для меня исходный материал практически уже не имеет значения, теперь у меня достаточно силы для работы с пластмассой – не физической силы, а психологической.

При работе с пластмассой проявляется более утонченная детализировка, вложенное усердие, и, в результате, удивительный эффект, вспыхивающий в металле, намного превосходит даже то, о чем мечтал, – и это замечательно. Нежданная радость приходит. И ведь это в нашей православной традиции – украшать иконы золотом, серебром, драгоценными камнями...

Труд – это большая радость, и счастлив человек, который отдыхает работой, а отдыхом мучается. Мне кажется, что когда начинаешь работу со сложного, то Господь выводит со временем на более легкий путь. Сейчас мне по камню работать уже не под силу: чуть пыли глотну – и аллергия. Раньше была для меня великая радость – валун с берега притащить, раскрыть его, распилить! И сейчас в кармане всегда лежит камешек, который ждет своего часа. Бывает, домой придешь, жена спать ляжет, а сам – за работу.

Резьба по камню – дело шумное...

Да, иногда соседи снизу прибежали: заработаешься, времени не помнишь. Мешал им стуком – было у меня увлечение камешки в медные оковки вставлять, а это микрокузнечное дело. Постепенно оковываешь медью камень с резьбой, причем важно выдержать степень

удара, чтобы медь плющилась, а камень не треснул. Тут про все на свете забываешь...

Жизнь есть Божий дар, а творчество – это когда еще и руку сверху чувствуешь. Только удивляешься – как это, за что мне такое? А если вдруг не вышло – убрал все и заново начал. Каждую работу начинаешь делать так, как будто в первый раз, с опаской. Работая, вспоминаю жития святых, а что у художника на уме, то у него и на руке. Тонко это все должно быть и не слащаво. И жития знать надо обязательно, чтобы не опуститься в ремесленничество.

Большое счастье, что я работаю для людей, грустно, когда работы художника уходят в пыль... Поначалу мне жалко было расставаться с образцами, алчность такая была – все себе оставить, но это прошло. Теперь хочется поскорее «избавиться» от работ, пристроить их в хорошие руки, чтобы они жили, нужны были. Много есть примеров, когда художник всю жизнь собирал галереи у себя под кроватью и ни с чем остался.

Сами носите свои работы, помогает это вам как-то?

Ношу крестик, который мне батюшка благословил. Живой, слава Богу, значит, помогает. Носить можно все, что угодно, а внутри быть далеким от того, что висит у тебя на груди, так что «по плодам их узнаете их».

А случилось с вами когда-нибудь чудо?

Чудо для меня – стоять в храме после исповеди, после причастия. Вот это истинное чудо – никому, кроме тебя, незаметное чудо облегчения. Или – проблема, которую хочешь решить, разрабатываешь сложнейшие, чуть ли не шахматные комбинации... А после молитвы – Бог так все управит, что исчезнет не то что комбинация, но и сама проблема.

Как вы думаете, почему людям нравятся носить на груди ваши образы, кресты?

Раз носят, значит, угадал в чем-то. У каждого своя дорожка, и если мой путь кому-то созвучен, я рад этому. Меня с детства тянуло к православным символам, любовался ими, западали в душу. Теперь вот сам делаю их. Кто-то красноречием Бога славит, кто-то пением, кто-то посредством изображения лика Его – «всякое дыхание да хвалит Господа».

«Перегородки» наши Его не касаются – это здесь, на земле, мы делимся: я православный, ты иудей, он католик, а для Бога мы все одинаковы. Красота объединяет всех. Поэтому, когда мои работы покупают представители других конфессий – буддисты, мусульмане, – мне очень радостно, значит, они находят в них что-то отвечающее их представлению о вере, какую-то свою духовность.

Наверное, в камнерезном деле рука должна быть твердой, как у снайпера?

А я в армии снайпером и был...

Сколько всего вы создали образов?

Сначала считал, фотографировал, а потом бросил... Знаю только, что много. Когда работаешь, весь в пыли и азарте, совсем другие проблемы занимают, не до фотографий.

Вы счастливый человек?

Да, чувствую себя таким. Нужен.

И здоровье пока есть.

Владимир, а вам никогда не хотелось удалиться от людей в затвор, в монастырь – и работать там, чтоб никто не мешал?

Я жизнь очень люблю. Жену люблю, детей. В свое время были искания, но жизнь состоялась именно так – а дальше как Бог даст. А одиночество и так нам обеспечено порой, и среди множества людей, правда?

Вы с детства были верующим человеком?

Благодаря бабушке, посеявшей зерно. Православие наше тем удивительно, что оно застыло в веках и не меняется. Радостно сознавать, что твой прадедушка, стоя в храме, молился теми же словами, что и ты. Зачем отрываться от этой связи, от своего рода? Все равно в другом мире будем все вместе. Жаль, конечно, что бабушка не видела моих работ, но это не столь важно. Это лишь наши средства, с помощью которых мы постигаем тот, другой, мир, приближаясь к нему...

1

3

4

1 У пристани в Кеми 2 Бывшая гостиница для паломников на Соловках

3 Нежные колокольчики среди суровых камней 4 Лодка рыбака 5 Мастерская по изготовлению крестов

Фотографии: Мария СОРОКИНА

6 Фантазии туристов 7 Южный двор Соловецкого монастыря 8 Алтарь Свято-Троицкого скита на острове Андер 9 Больница на Большом Соловецком острове 10 Лабиринт на Большом Заяцком острове 11 Крестный ход вокруг монастыря

Фотографии: Мария СОРОКИНА

11

Ora et labora*

О Соловецких островах я слышал много хороших слов. Что там, посреди студеного моря, удивительно мягкий микроклимат. Говорят, в старые времена там монахи даже выращивали ананасы. Что туда можно приехать помолиться, увидеть прекрасную архитектуру, посетить красивые места с нетронутой природой и поработать в охотку во славу Божию. И вот этим летом я, наконец-то, побывал на Соловках. Но моя жизнь на острове оказалась совсем не такой, какой представлялась из Питера.

АЛЕКСАНДР КРУПНИН ВЕДУЩИЙ РАДИО «ГРАД ПЕТРОВ»

Первая разрушенная иллюзия – это погода. Большую часть времени на Соловках идут дожди. Буквально за полчаса небо становится серым без единого просвета, и дождь льет сутками: мелкий, как будто морозящий, но настолько плотный, что промокаешь насквозь за несколько минут. По подсчетам метеорологов, на островах бывает двадцать восемь ясных дней в году. Но и ясные дни не очень радуют: температура воздуха держится от +7 до +12, и при этом постоянно дуют холодные ветры.

Вот такой фон создала погода моему паломничеству. А я был экипирован совсем не по погоде: ведь ехал туда, где ананасы растут. Взял белые рубашки без рукавов. Плавки купил. Хотел прихватить зонтик, но один добрый человек сказал, что паломник с зонтом выглядит смешно. И то правда, все время или обе руки были заняты, или дул такой ветер, что ни один зонт не выдержал бы.

Теперь об экскурсиях и работе. Прибыл я на Соловки в компании двух паломниц и молодого человека-экскурсовода на углу суденышке в сильный ливень. Добрались мы от причала до монастыря промокшие до нитки и после недолгих поисков нашли, где принимают паломников. Встретил нас отец благочинный, игумен Герман. У меня было письмо с радиостанции «Град Петров», которое, как я надеялся, могло улучшить отношение ко мне. Отец Герман письмо прочитал и с самой доброй улыбкой обратился ко мне: «Но вы и поработать хотите?» Я, конечно, ответил: «Да». Отец Герман поручил дежурному по имени Валентин поселить меня в келье. Я сразу представил себе, как буду в уютной монашеской келье предаваться молитве и размышлениям в перерывах между богослужениями и осмотром достопримечательностей.

Первое, что сделал Валентин, – попросил отдать ему паспорт, таков порядок в монастыре. А потом мы пришли в мрачное полуразрушенное здание с обвалившейся штукатуркой и протечками, поднялись на третий этаж и увидели «мою келью». Сначала прихожая, где сохнет рабочая одежда и стоит специфический запах, а затем огромный зал, метров двести, где стоит приблизительно тридцать кроватей. Народу немного, большинство на работе.

Первая мысль была – бежать. Но паспорт я уже отдал, неловко просить его обратно, да и куда бежать в такой

ливень? Обитатели этой кельи, трудники, посоветовали мне взять побольше одеял со свободных кроватей: ночью холодно. На двери кельи я увидел «Распорядок дня»:

- 5.30 – подъем.
- 6.00–8.00 – братский молебен (посещение обязательно)
- 8.45 – молитва и распределение работ
- 9.00–11.45 – работа
- 12.00 – обед
- 13.00–17.00 – работа (в 16.00 – полдник)
- 17.00–21.00 – вечернее богослужение
- 21.00 – ужин
- 23.00 – отбой.

Чужая жизнь, незнакомые люди, строгий распорядок, перспектива ежедневной тяжелой работы – все, конечно, поначалу пугало меня, изнеженного городского человека, все вызывало панику. Но постепенно удалось ее преодолеть, и с каждым днем я чувствовал себя в качестве соловецкого трудника все лучше и лучше. Хотя все равно было тяжело: не дом и не курорт здесь, ясное дело.

Итак, я грузил дрова в машину и потом разгружал их в другом месте, из кучи кирпича выбирал кирпичи определенного размера, загружал в машину мусор (бревна, бочки, палки), мыл посуду, складывал доски в штабеля, таскал мебель и пластиковые окна на второй этаж... Все это, конечно, не в одиночку, а вместе с такими же трудниками, как и я.

Новым для меня было совершенно непривычное ощущение, что ход жизни от тебя никак не зависит. За тебя все решают. Тебе остается только исполнять. Сначала это вызывает протест, но со временем начинает даже нравиться. Главное – исчезает тяготящая любого человека озабоченность. Ведь в обычной жизни мы постоянно чем-то озабочены. Стараемся принять наилучшее решение, но не можем заранее знать, каким оно окажется. Страх перед неизвестностью в той или иной степени всегда тяготит нас. А в монастыре все отступает. Приходит это постепенно и начинает нравиться все больше и больше. Это ощущение лучше всего выразить словами «на все воля Божия».

Вот пример. В воскресенье у трудников, да и у всех в монастыре, выходной. У нас появилась возможность поехать с экскурсией на Секирную гору, одну из местных достопримечательностей. Но вышли из церкви после Литургии и припустил обычный соловецкий дождь. Экскурсия

* Молитва и труд (лат.)

была назначена на 14 часов, и с 13 до 13.40 я мучительно размышлял, ехать мне или нет. Если не поедешь, больше такой возможности не представится, если поедешь – промокнешь насковозь. И если ехать, то как одеваться? Взять у соседа сапоги или у другого зонт? Или это неудобно?.. Но без двадцати два в комнату вошел человек и сказал: «Привезли машину с окнами, надо разгрузить». После минутной оторопи все надели рабочую одежду и пошли разгружать. А что поделывать?.. Разгрузку закончили быстро и к месту сбора экскурсии подошли в 14.05, но автобус уже уехал. И сразу стало легко: никаких забот, никаких проблем. Значит, не нужно было туда ехать. Это я поначалу думал, что еду на Соловки за экскурсиями, а на самом деле оказалось – совсем за другим.

Постепенно такая жизнь затягивает, ведь она намного проще. Не возникает, как в городе, чувства голода, хотя пища здесь самая простая: борщ, картофельное пюре, гречневая каша, рыбный салат, свекла, капуста, изредка рыба. Если вернуться к распорядку дня, можно обратить внимание, что в нем отсутствует завтрак. Подъем в 5.30, а первая трапеза, обед, – в 12 часов дня. Это, очевидно, связано с тем, что пока мы работаем после утреннего молебна, монахи служат Литургию и могут начать трапезу только после нее. Мы же, трудники, ограничиваемся после молебна половинкой просфоры и чашечкой святой воды. Удивительно, но есть до обеда совсем не хочется.

В воскресенье, видимо ради праздника, дали личи в сиропе. Я сначала подумал, что в миске лежит картошка в масле, потом – что это маринованный лук. Положил две «луковицы» в тарелку с гречневой кашей. Попробовал – сладко. Из трудников, кроме меня, кажется, никто не притронулся к этому экзотическому фрукту. Я съел четыре штуки.

Очень способствует ровному и спокойному настроению отсутствие каких-либо новостей из внешнего мира: ни телевизора, ни радио, ни газет. Лишний раз убеждаешься, как мало значит вся внешняя информация для нашей жизни.

Время в монастыре идет совсем по-другому. Там, в миру, минуты и часы тянутся медленно, дни быстрее, а годы мчатся так, что их не замечаешь. Здесь – наоборот. Минуты текут быстро, а каждый день кажется огромным. Год, наверное, здесь вообще представляется бесконечностью. Удивительно быстро проходят церковные службы. В городе, бывает, и два часа с трудом выстаиваешь. А тут каждое утро двухчасовой молебен и каждый вечер четырехчасовая служба, а стоишь, не чувствуя усталости.

Теперь несколько слов об общих впечатлениях. Монастырь и остров, история и современность – не сложились у меня в единую картину. Как оказалось, все постройки на территории Соловецкого монастыря принадлежат не Церкви, а существующему здесь еще с советских времен музею-заповеднику. Музей просто любезно разрешает монахам служить и проживать в принадлежащих ему помещениях. Как мне кажется, из-за этого происходит разрыв между прошлым и настоящим монастыря. Прошлым занят музей, а Церковь сосредоточена на настоящем. Да, на службах поются тропари преподобным Зосиме, Савватию и Герману – основателям монастыря, возносятся молитвы святителю Филиппу и всем соловецким святым, священномученику архи-

епископу Петру (Звереву) и всем новомученикам соловецким, после службы все прикладываются к мощам преподобных. Но связь с богатейшей историей монастыря мне показалась не живой, а какой-то абстрактной. В этом, наверно, нет ничего удивительного. Жизнь насельников тяжела, природа Соловков сурова, хозяйство досталось им разрушенное, молитва и труд отнимают слишком много сил, чтобы задумываться об истории, о связи времен. Да и служат в монастыре люди простые, не склонные к рефлексии. Монашествующих всего человек двадцать, а большую часть насельников составляют послушники и трудники. Подолгу здесь живут те, кто не имеет семей, кто не сумел или не захотел приспособиться к жизни в миру. На короткое время приезжают самые разные люди: простые и образованные, совсем молодые и постарше. Есть со странностями, но все – очень хорошие. И это понятно: зачем плохому человеку ехать на край света в монастырь и бесплатно там работать? Большинство этих людей ничего толком не знают о месте, где находятся, и очень мало этим интересуются. Они приехали молиться и работать.

К этому же свелось и мое пребывание на Соловках. Только в последний день, за три часа до отплытия моего кораблика, мне удалось попасть на обзорную экскурсию по монастырю. С экскурсией я прошел по всем тем зданиям, мимо которых ежедневно ходил по улице. Очень большое впечатление произвела совершенно разрушенная Троицкая церковь, некогда самая богато украшенная в России. В гулаговские времена там содержали заключенных, там была знаменитая 13-я рота, через которую прошли все выдающиеся арестанты Соловков. Посетил я и Филипповскую пустынь, ту самую, где разбирал по размерам кирпичи и грузил мусор в машину. Сейчас в пустыни – полуразрушенное кирпичное здание и кучи разнообразного мусора вокруг. Но как я узнал от экскурсовода, в XVI веке святитель Филипп уединялся там, чтобы помолиться и решить, принимать ли предложение Ивана Грозного занять московскую кафедру. В тонком сне ему явилась скульптура Спасителя в терновом венце, и святитель Филипп понял, что ему делать. В дальнейшем он, как немногие деятели Церкви, выступал против беззаконий властей, был изгнан с митрополичьей кафедры и впоследствии задушен Малютой Скуратовым по приказу Ивана Грозного... Так вот, оказывается, колодец, из которого я пил воду, устав после разборки кирпичей, был вырыт на том месте, где святителю явился Христос. Но я ничего не знал об этом. Могу сказать только, что вода была отменная...

Да, это была трудная поездка, не зря же я назывался трудником. Я ведь в первый раз жил в монастыре, не считая кратковременного пребывания в Бюсси (женский монастырь во Франции), где я был только гостем. Соловки дали мне новый, очень важный опыт. И когда я в последний раз вышел за монастырские ворота и оглянулся на монастырь, я понял, что полюбил его, что мне не хочется уезжать. Что теперь навсегда со мной останутся эти стены из валунов в несколько тонн, которые в XVI веке каким-то образом затащивали на десятиметровую высоту, и эти дома-развалюхи в поселке неподалеку, и Белое море, чаще всего серое, но иногда голубое...

Изменила меня эта поездка? Конечно, нет. Скорее, открыла узкую щель в другую жизнь. А увидеть хотя бы в щелочку, что такая жизнь есть, – очень важно.

Первый храм Павловска

Когда в Павловском парке с деревьев опадет листва, то сквозь огромные окна алтарной апсиды церкви св. Марии Магдалины хорошо виден Большой дворец, построенный в 1782–86 гг. по проекту архитектора Каме-рона. Сам же храм, ставший первым в Павловске, был торжественно, в присутствии Великого Князя Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны, заложен годом раньше, в 1781. А его освящение в честь небесной покровительницы супруги будущего Императора было совершено в 1784 году митрополитом Гавриилом.

Храм построен в классическом стиле по проекту архитектора Джакомо Кваренги. Настенная живопись выполнена известным в то время русским мастером Федором Даниловым в стиле итальянской школы. Иконы для иконостаса по специальному заказу были написаны в Италии художником-живописцем Кадесом. В храме у южной стены находилось императорское место, на котором во время богослужений молилась августейшая семья.

Сама Мария Федоровна приложила руку к украшению храма, выточив запрестольное паникадило из янтаря и слоновой кости, а также ручку и подножие к священным сосудам (которые, к сожалению, не сохранились). Слева от входа, у стены, в 1797 году был установлен памятник воспитателю Павла I дипломату графу Н. И. Панину. Справа – памятник другу Императора Павла I князю А. Б. Куракину, поставленный в 1819 году Марией Федоровной. Еще один монумент был установлен в 1824 году внутри храма, над местом погребения одного из воспитателей Александра I, Н. А. Загряжского, скончавшегося в 1821 году. Все эти памятники сохранились до наших дней.

При церкви стараниями Марии Федоровны в боковых корпусах были созданы госпиталь и богадельня, получившая название «Церковный инвалид». До 1917 года в храме хранилось много знамен и штандартов некоторых русских полков, а также знамена и кормовые флаги французских, итальянских и голландских войск, отбитые русскими сухопутными и морскими войсками во время войны 1799 года. Все они сегодня находятся в Суворовском музее, а в храме выставлены их копии.

После Октябрьского переворота большевики разместили в госпитальном корпусе обувную фабрику «Спартак», а в 1931 году была осквернена и закрыта и сама церковь. В послевоенное время здесь разместились фабрика «Точмех», а затем сменившая ее в 1960 году фабрика «Игрушка». Храмовое пространство было разделено перекрытиями, произведена перепланировка внутренних помещений. Кабинет директора фабрики располагался на построенном прямо в алтаре втором этаже, и так вышло, что над головой у директора находилась фреска с изображением Бога Саваофа, доставлявшая ему, как партийному атеисту, нестерпимые неудобства. В связи с этим было приказано фреску закрасить. Но сколько ни пытались это сделать, роспись проступала сквозь краску. Тогда решили соскоблить изображение. Но внезапно произошел пожар, унесший жизни семерых рабочих. Фреску оставили в покое, со-

хранив ее таким образом до наших дней. Кроме росписи в апсиде, сохранилось еще семь медальонов на потолке храма. Фабрика выехала лишь в 1990 году, но к восстановлению находившейся в аварийном состоянии церкви смогли приступить лишь в 1998 году. Сегодня, заходя в этот просторный и светлый храм, трудно даже представить, в каком ужасном и плачевном состоянии он находился. Правую часть храмового здания до сих пор занимает «Детская музыкальная школа №25». Остается только надеяться, что для музыкальной школы власти смогут вскоре найти более достойное помещение, чем являющаяся памятником архитектуры церковь, которая и так охранялась советским государством, мягко говоря, не слишком заботливо. А сегодня помощь в восстановлении Императорского храма оказывают не только частные лица и различные коммерческие структуры, но и государство в лице Министерства Иностранных дел -- вероятно, в память дипломата Панина. Одной из задач по восстановлению исторической справедливости стало возвращение улице Революции, на которой расположен храм (в доме № 17), ее прекрасного названия: Садовая. Не дожидаясь официального решения по этому вопросу, прихожане храма прикрепили на здание церкви табличку с исконным названием, дабы даже упоминанием этой безбожной «революции» не освернять восстановленный из ее руин храм. Сегодня исконное название утверждено и властями. Нужно сказать, что приход церкви св. Марии Магдалины, несмотря на все трудности по восстановлению и содержанию храма, живет активной богослужebной и общественной жизнью. Следуя традиции, заложенной еще Марией Федоровной, клир и прихожане занимаются диаконическим служением, окормляя детский Психоневрологический интернат №4 и Дом ветеранов города Павловска.

При храме действует детская воскресная школа, кинолекторий, проводятся катехизические беседы и читаются различные лекции. Регулярно издается приходская газета «Мироносица», раздаваемая бесплатно. Очень интересен опыт этого прихода по организации досуга маленьких детей, которые вместе с мамами и папами приходят на службу. Ведь хорошо известно, что детям трудно «выстаивать» непонятную и длинную для них службу, они скучают, начинают баловаться.

В храме св. Марии Магдалины организован своеобразный детский сад, где при желании родители могут оставить своего ребенка на время службы. Там с ними занимается профессиональный педагог, рассказывая в доступной для детского восприятия игровой форме о богослужении и Церкви. Детей постарше готовят к первой исповеди. А после службы и дети, и взрослые участвуют в совместном чаепитии, для которого из храма на улицу выносятся столы.

ТЕКСТ: СЕРГЕЙ НАКОНЕЧНЫЙ ФОТО: ДАРЬЯ КРУТЬКО

БЛАГОДАРИМ НАСТОЯТЕЛЯ ХРАМА ИЕР. ДАНИИЛА РАННЕ, А ТАКЖЕ ДЕНИСА ЛЕВЫКИНА ЗА ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Фотография: Михаил НАКОНЕЧНЫЙ

Путешествие на край Земли

Нордкап (Nordkapp) – самая северная точка Европы, расположенная на материке, – находится на широте 71 градус, 10 минут, 21 секунда в Норвегии. Севернее лишь многочисленные острова. Место это привлекает ежегодно сотни тысяч туристов. Особенно дорог Нордкап для моряков, ведь мимо него проходит Северный морской путь из России в Европу. Побывал на краю земли и наш обозреватель Сергей Наконечный, даже у Полярного круга обнаружив православный храм.

СЕРГЕЙ НАКОНЕЧНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

В путь!

Мы выехали на автомобиле из Петербурга в сезон белых ночей. Но впереди нас ожидал полярный день. Быстро и без приключений добрались до русско-финской границы. На КПП «Брусничное» за полчаса уладили все формальности. И вот мы в Финляндии. Ехать на Нордкап через Финляндию можно тремя путями. Первый, самый популярный, лежит через западную часть страны, вдоль Ботнического залива. Второй, самый короткий, – через центральную Финляндию. И третий, самый тихий, – вдоль границы с Карелией. Здесь проходит так называемая «Музейная дорога», первая дорога с твердым покрытием с юга на север страны. Первая-то она первая, но покрытие до сих пор идеальное. Ее мы и выбрали. Поэтому, выехав после границы на основную трассу, мы повернули направо, на Иматру. Через семь километров после поворота находится форелевая ферма, где можно порыбачить, а улов вам приготовят тут же в ка-

менных печах. Здесь же расположен Парк домашних животных, интересный, в первую очередь, детям. В самой Иматре заслуживает внимания эффектное зрелище открытия шлюзов Иматрской ГЭС. Но расписание этого действия лучше уточнить заранее.

Двинулись дальше по «Музейной дороге». Места живописные, кругом озера, поля, сосны. Чистота невероятная. Машин нет, людей нет. Жаль, скорость ограничена 90 км/ч. Несмотря на безлюдность, дорога оборудована как полагается: каждые десять километров стоянки, где можно передохнуть и устроить маленький пикничок. Примечательно, что и здесь чисто: для мусора стоят специальные баки, которые регулярно заменяются. В изредка встречающихся деревушках есть коттеджи, где можно переночевать. Однако, несмотря на обилие оборудованных стоянок, найти место для «дикой» стоянки с палаткой довольно проблематично. Зато можно ночевать в машине. Одним словом, не спеша, с несколькими ночевками мы добрались-таки до Нордкапа.

Нордкап в конце туннеля

Часть суши, на которой находится Нордкап, окружена водой. Она, по идее, должна называться островом, но норвежцы упорно стоят на том, что это материк. На самом деле самая северная точка материка – мыс Книфшероден, расположенный в 180 метрах от Нордкапа. Но к нему нет автомобильного подъезда, а по тропинке среди скал нужно идти около трех километров. Раньше на Нордкап ходил паром, но несколько лет назад был сделан туннель. Поездка по этому туннелю произвела на нас едва ли не большее впечатление, чем сам Нордкап. Представьте, что вы въезжаете на машине в метро и начинаете спускаться по темному эскалатору. И так в течение 3,5 километров со скоростью 80 км/ч в плотном потоке машин, не видя света в конце туннеля, а потом еще 3,5 километра вверх. Нижняя точка этой подземной переправы находится в 212 метрах ниже уровня моря. Кроме автомобилей, по туннелю едут велосипеды и идут пешеходы. Въезд платный – 30 долларов с машины. Самое интересное, что на обратном пути опять надо платить.

После туннеля въезжаем в Хоннингсвог – один из самых северных городов мира. Это последний населенный пункт перед Нордкапом. Здесь же расположен порт, куда пассажирские суда привозят туристов.

Оставшиеся 35 километров дорога – узкая, без ограждений – идет вверх. То справа, то слева трехсотметровые пропасти. Часты густые туманы. За въезд на сам Нордкап просят еще 30 долларов, но уже с человека. В эту стоимость входит посещение всего культурно-развлекательного комплекса. Здесь находится и музей, и отель, и компьютерный кинотеатр (наподобие «Трансфорс» в ТЦ «Норд» в Питере), кафе, рестораны, сувенирные лавки, различные памятники и, конечно же, сам символ Нордкапа – глобус, к которому все туристы считают своим долгом прикоснуться.

Туристов множество. Большинство немцы. Многие прибывают на караванах. Приезжают же сюда, разуме-

ется, не за сувенирами. С огромной скалы-площадки высотой в 300 метров над уровнем моря открывается фантастический вид. Но самое главное – это солнце, которое, опускаясь, лишь слегка касается горизонта и тут же начинает свой восход... А мы решили продолжить свой путь и посмотреть многочисленные норвежские фьорды, заодно заглянув и в соседнюю Швецию.

Православная церковь у полярного круга

Въехав в Швецию, мы с удивлением обнаружили, что суровая природа закончилась. Начались залитые солнцем луга и поля. Проезжали город Кируна, где есть действующая деревянная церковь, сделанная без единого гвоздя. Заночевать нам довелось неподалеку от небольшого городка (3000 жителей) под названием Оверкаликс. Утром, не застав хозяев дома, оставили ключ прямо на крыльце. Приехав в сам город, мы с удивлением обнаружили указатель, на котором по-английски было написано «Orthodox church» (Православная церковь).

Табличка эта была не единственной, и очень скоро мы добрались до небольшой деревянной православной церкви, расположенной в километре от города. Двери храма и приходского дома были открыты, но внутри мы никого не увидели. Внутри нас поразили чистота и порядок, шведская аккуратность чувствовалась во всем. Уже впоследствии мы узнали у местных жителей, что эту Преображенскую церковь построил рядом со своим домом Бенгт Похьонен – шведский диссидент и писатель, бывший лютеранский пастор, принявший Православие и ставший священником. Нужно признаться, что храм этот, построенный в шведской глуши, неподалеку от Полярного круга, произвел на нас едва ли не большее впечатление, чем сам Нордкап. Из Оверкаликса мы быстро и без приключений добрались до Петербурга. И вот что интересно: за всю поездку мы встретили только одну машину с русскими номерами!

Последние дни на земле

Разговор о старости

Что происходит с человеком, вступившим в последнюю пору своей жизни? Что приносит нам этот возраст, от чего освобождает? Этим вопросам посвящена беседа ведущей радиостанции «Град Петров» Марины Михайловой с Галиной Школьник, сотрудницей общественной организации «Мемориал».

Галина Школьник: Старость – тема не возрастная. Я знаю молодых людей, которые чувствуют себя стариками, и пожилых, которые невероятно молоды, их энергия велика, и стариками их трудно назвать. Признаюсь, в восемнадцать лет я чувствовала себя старым человеком, а сегодня, в пятьдесят, чувствую себя молодо.

Марина Михайлова: В поэзии фундаментальная метафора старости – вечер, закат. Мне вспоминаются стихи Ахматовой, завершающие ее последнюю «Седьмую книгу». Она написала их в 75 лет, в зрелой старости.

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна таин во мне опять.

Это ощущение человека, который тонко и точно чувствует жизнь, наслаждается ею и в то же время уже находится в волнах эфира. Старость вовсе не означает угасания жизненной силы, напротив – дает некоторые преимущества.

Г. Школьник: Ахматова – сильный человек, прошедший со своим веком и своей страной все беды. Она сумела сказать и о них, и о великих тайнах, в которых мы пребываем, с горечью сознавая, что это тайны непостижимые, и обретая через это осознание свою силу... Думаю, с возрастом человек ничего не теряет. Даже притупление некоторых чувств – не потеря, а важное приобретение. Утрата остроты восприятия – это возможность не услышать, не увидеть что-то несущественное. С годами человек должен ценить каждую минуту, проживать ее максимально. Если он чего-то не видит, значит, ему это и не нужно. То, что ему нужно, он должен видеть, и если у него есть возможность сказать или написать об этом – слава Богу.

М. Михайлова: Писать воспоминания?

Г. Школьник: Не только. И неважно, кто это будет читать. Мы отправляем послание...

М. Михайлова: Как бутылку в море. Старость – время воспоминаний, и говорят, что ярко помнится детство, ранняя юность, а то, что было потом, не так вспоминается, как первые впечатления жизни. Старик – ребенок, он возвращается в детство.

Г. Школьник: В самом хорошем смысле: он, как ребенок, готов воспринимать чудесные вещи. Человек в возрасте на это больше способен. Он обретает свободное время, когда можно задуматься, что-то понять. Мне знакомы люди, которые по-настоящему смогли себя выразить, выйдя на пенсию. Они с огромным увлечением занимались прежде своей работой и считали ее любимым делом. Тем не менее, оказавшись предоставленными сами себе, они устраивали жизнь по-новому: начинали писать стихи или создавать чудесные ремесленные работы. Эти люди никогда не говорили, что они потеряли все, закончив профессиональную деятельность.

У меня есть много знакомых значительно старше меня, к которым я отношусь с большим уважением. Их отличает безудержная любознательность и желание понять то, что вызвало интерес. Они обладают особой свежестью восприятия, язык не поворачивается назвать их стариками. Они прожили много лет, но как были молоды и прекрасны, так и остались. Ведь человеческое лицо с возрастом вовсе не теряет красоту, а приобретает ее. Наиболее важные черты становятся в нем преобладающими.

М. Михайлова: Есть подсознательный стереотип, что молодость – это сильная позиция, со знаком плюс, но когда говорят о старости, имеется в виду ветхость, ненужность...

Г. Школьник: Почему я и предлагаю не употреблять слова «старость», «старики».

М. Михайлова: Мне будет семьдесят лет – как меня назвать? Я буду кто?

Г. Школьник: Семидесятилетний человек... Многие не чувствуют себя стариками и обижаются, когда к ним так обращаются. Лучше говорить «пожилые люди».

М. Михайлова: Я вспоминаю, что мои бабушки с радостью и удовольствием говорили о своем возрасте,

принимали его достойно и понимали, что молодящийся старик – грустное зрелище, которое унижает достоинство человека. Лучше жить со своим возрастом в мире, понимая, что это дар, плод твоей жизни. Кажется, Анна Маньяни говорила: «Я горжусь своими морщинами, они мне дорого достались».

Г. Школьник: Распространен такой образ старушки: бабушка в платочке, в закрытом глухом платье. В кругу мемориальцев, а многим из них за восемьдесят, таких старушек нет. Они другие, но при этом про них не скажешь, что они молодятся. Они просто молодые люди. Возможно, это связано с тем, что многие в «Мемориале» были диссидентами, прошли лагеря и в настоящее время должны быть полны сил и энергии, поскольку их задачи по-настоящему не решены.

Слушательница: Мне кажется, что человеческая старость зависит от того, для кого и для чего жил человек. Если он жил своими иллюзиями или «покусывая» всех вокруг, тогда у него трудная старость: слишком высока мера эгоизма. Но если у человека было настоящее дело, он растил детей, то и в старости он правильно смотрит на мир. Старость – это свобода. День только к вечеру хорош: вечером не нужно суетиться. И если пожилые люди любят внешний мир и ориентированы на других, сочувствуют трудностям молодых, молятся за них, то им легко и хорошо.

М. Михайлова: Старость – плод нашей жизни, она не падает с неба. Если человек был любящим, открытым, жил высокими и достойными интересами, то он и в возрасте будет не менее свободен и прекрасен, чем в годы расцвета. И наоборот. У Л. Улицкой есть леденящий кровь рассказ «Пиковая дама» – о старухе, которая тиранит молодое поколение в своей семье.

Г. Школьник: Мне тоже не кажется, что возраст принципиально меняет кого-то, разве что некоторые черты делаются острее и очевиднее, и то, что человек мог отчасти скрывать, в пожилые годы проявляется.

Слушательница: Мне восемьдесят лет. Когда меня называют бабушкой, мне приятно. А «старуха» – это оскорбительное слово.

Г. Школьник: Бабушка – чудесное слово, но не все восьмидесятилетние люди являются бабушками и дедушками, поэтому это обращение не для всех.

М. Михайлова: Отсутствие обращений – следствие трудной судьбы нашего Отечества. Раньше были замечательные слова «госпожа», «сударыня». Сейчас это выглядит искусственным.

Слушательница: Наш преподаватель английского подчеркивал, что есть *old woman*, что значит «старуха», и есть *elderly lady* – «престарелая женщина». Предыдущая слушательница говорила, что ей обидно услышать «старуха». Да, это грубо, а *elderly lady* – это о женщине. Она вошла в этот возраст, и она может быть всякой, все зависит от ее внутреннего потенциала.

М. Михайлова: Видим ли мы человека или видим мужчину и женщину, ребенка и пожилого человека? Однажды я сказала в шутку моим молодым друзьям: «Слушайте меня, потому что я женщина и я старше вас». А они мне говорят: «Ни то, ни другое не является аргументом». Нас воспитывали в традициях отцов. Но для наших детей эти правила не так очевидны.

Г. Школьник: У нашей страны сложная история, и в настоящее время люди пожилого возраста могут при-

держиваться разных точек зрения. Обязать молодых слушать старших сегодня невозможно. Наши двадцатилетние родились и выросли в совершенно другую эпоху. Я знаю, что многие конфликтуют со своими детьми, и от всего сердца желаю родителям признать, что их дети – дети другого времени, и разрыв между двумя поколениями очень велик. Взаимопонимание может быть достигнуто, но родителям придется трудно. Время дает нам разнообразие ответов, противоречащих друг другу. Система нравственных ценностей пошатнулась, исторические уроки не сформулированы. Что я скажу моему ребенку, если он меня спросит о каких-то важных моральных и нравственных вещах? Учить мне его нечему. Мы плохо жили. Может быть, кто-то может о себе сказать, что он сделал все возможное, но лично я многого не сделала, не успела понять. Я жду, что мы с моим ребенком вместе поймем больше. Сегодня не прослеживается четкой иерархии в отношениях даже учителя и ученика, родителей и детей, мне трудно сказать, кто здесь первый, а кто идущий следом. Мы идем вместе. Если мы не движемся, тогда все не имеет никакого смысла. А если мы движемся вместе, то мы вместе задаем вопросы и вместе находим на них ответы.

М. Михайлова: Другая тема – старость библейская, старость патриархов. В книге Бытия я полюбила слова: «И умер Авраам, насыщенный жизнью». Насыщенный жизнью: вобравший эту жизнь, вырастивший в себе некий кристалл, как насыщенный раствор растит в себе чудо. Это переживание драгоценного закатного часа. Старость хороша тем, что ты находишься и на завершении какого-то этапа, и в начале пути. Мы верим, что все, что мы любили, не кончается с нашей смертью, что нас ждет великое приключение, переход.

Г. Школьник: Независимо от того, верит ли человек в вечную жизнь, сомневается или вообще не верит, для каждого является безусловным, что жизнь настоящая – это огромная ценность. Ее надо прожить максимально, впитать все ее ощущения, насколько это возможно, и если каждый из нас придет с годами в это состояние насыщенности – то чего желать больше...

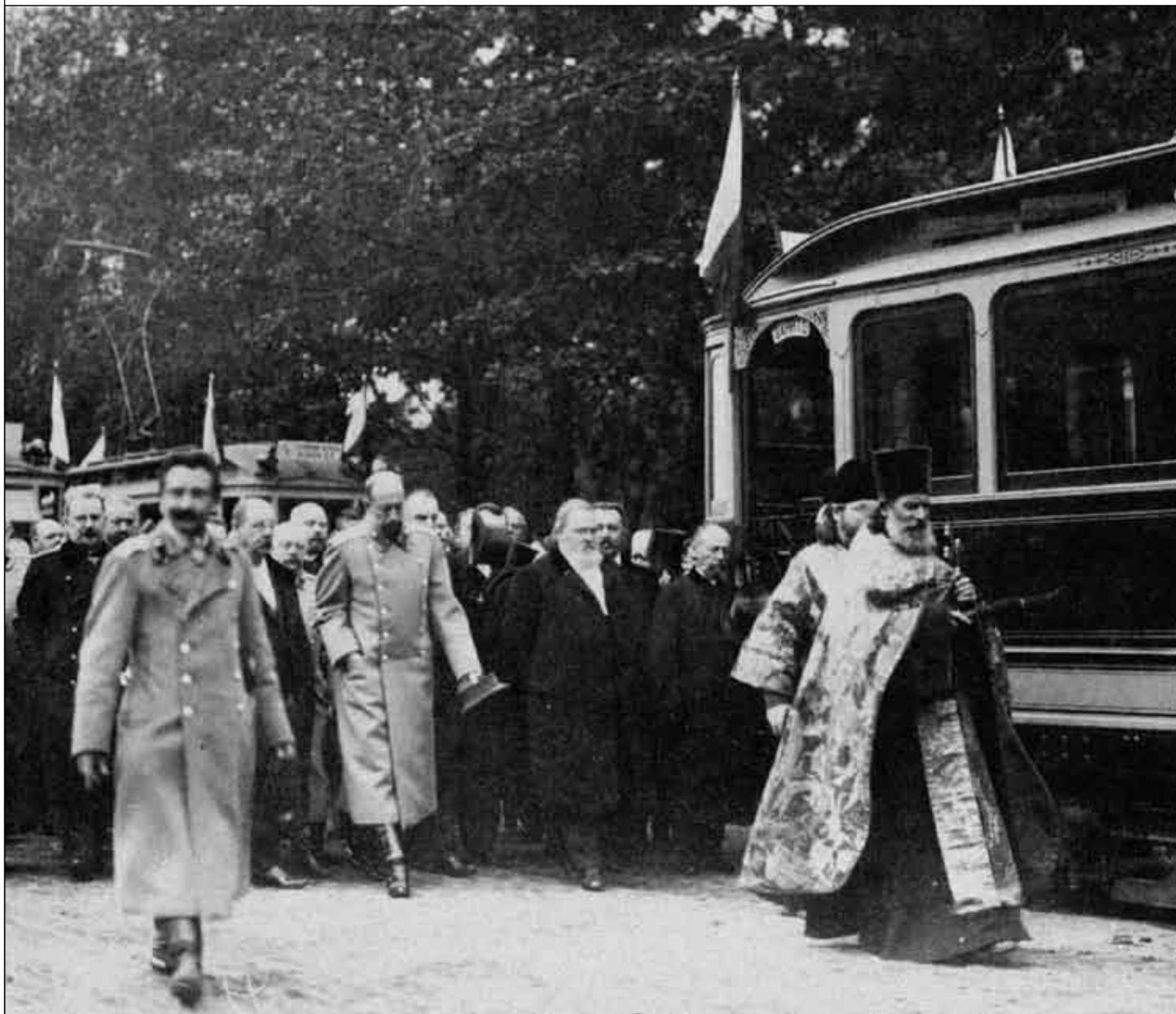
М. Михайлова: Старость определяется тем, как человек мыслит самого себя, мир и перспективу. Потому старость христианина свободна от страха пустоты, от ужасного ожидания того, что истекают последние капли, проваливаясь в песок, а дальше и мы провалимся в небытие. Безысходная темная старость – удел того, кто не верит ни в Бога, ни в человека.

Г. Школьник: Во всяком случае, в человека. Недавно в «Мемориале» Ю. А. Рыбаков проводил встречу, посвященную творчеству своего отца, А. Н. Рыбакова. Он был репрессирован, провел долгие годы в лагере, писал стихи. Умер он в конце восьмидесятых годов, а книги его появились в середине девяностых, он их не увидел. Это человек необыкновенного поэтического таланта. Вот его стихи:

Последние дни на земле,
Широкое доброе небо,
Дыханье горячего хлеба
И солнечный луч на столе.

Здесь камни, песок и прибой,
И птичья рулада из чаши,
И облачный замок летящий,
И все мне как будто впервой...

Музей трамваев

В этом году 29 сентября отмечается 100-летие петербургского трамвая. Именно в этот день в 1907 году состоялось торжественное открытие первого трамвайного маршрута № 4, который был проложен от Александровского сада по Конногвардейскому бульвару через Николаевский мост к Кронштадтской пристани. Рассказывают, что вел первый трамвай сам Генрих Осипович Графтио.

СЕРГЕЙ НАКОНЕЧНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ. Фото: ОТКРЫТИЕ ТРАМВАЙНОГО ДВИЖЕНИЯ ПО МАРШРУТУ № 4. ОСВЯЩЕНИЕ ВАГОНОВ. 1907 ГОД. ФОТОГРАФ К. БУЛЛА. ИЗ КНИГИ «ОТ КОНКИ ДО ТРАМВАЯ».

«В вагон вошли приглашенные, поднялся на переднюю площадку и Генрих Осипович, – вспоминает супруга знаменитого инженера. – Вагон легко тронулся с места и побежал вдоль сада. Как? Без водителя? Нет, ручку контроллера держал Генрих Осипович... В толпе быстро разнеслось, что вагон вел не простой водитель, а «граф Тио». Так люди восприняли фамилию мужа, и когда он сошел с площадки, все бросились поглазеть на необыкновенного графа-водителя».

В свой первый рейс этот трамвай вышел из Василеостровского трамвайного парка, где спустя годы, к 60-летию трамвайного движения в нашем городе, был открыт служебный музей, работающий на общественных началах. Свои музеи были в каждом трамвайном парке, но этот был самым крупным, поэтому его можно смело называть центральным.

Именно сюда приводили и приводят до сих пор официальные делегации, здесь же проводятся различные торжественные мероприятия и собираются ветераны трамвайного движения. Кроме того, в музее ведут научно-исследовательскую работу, готовят к изданию книги и альбомы, посвященные электротранспорту. Занимается музеем энтузиаст своего дела, крупный специалист по трамвайному движению Петербурга Юрий Михайлович Львов.

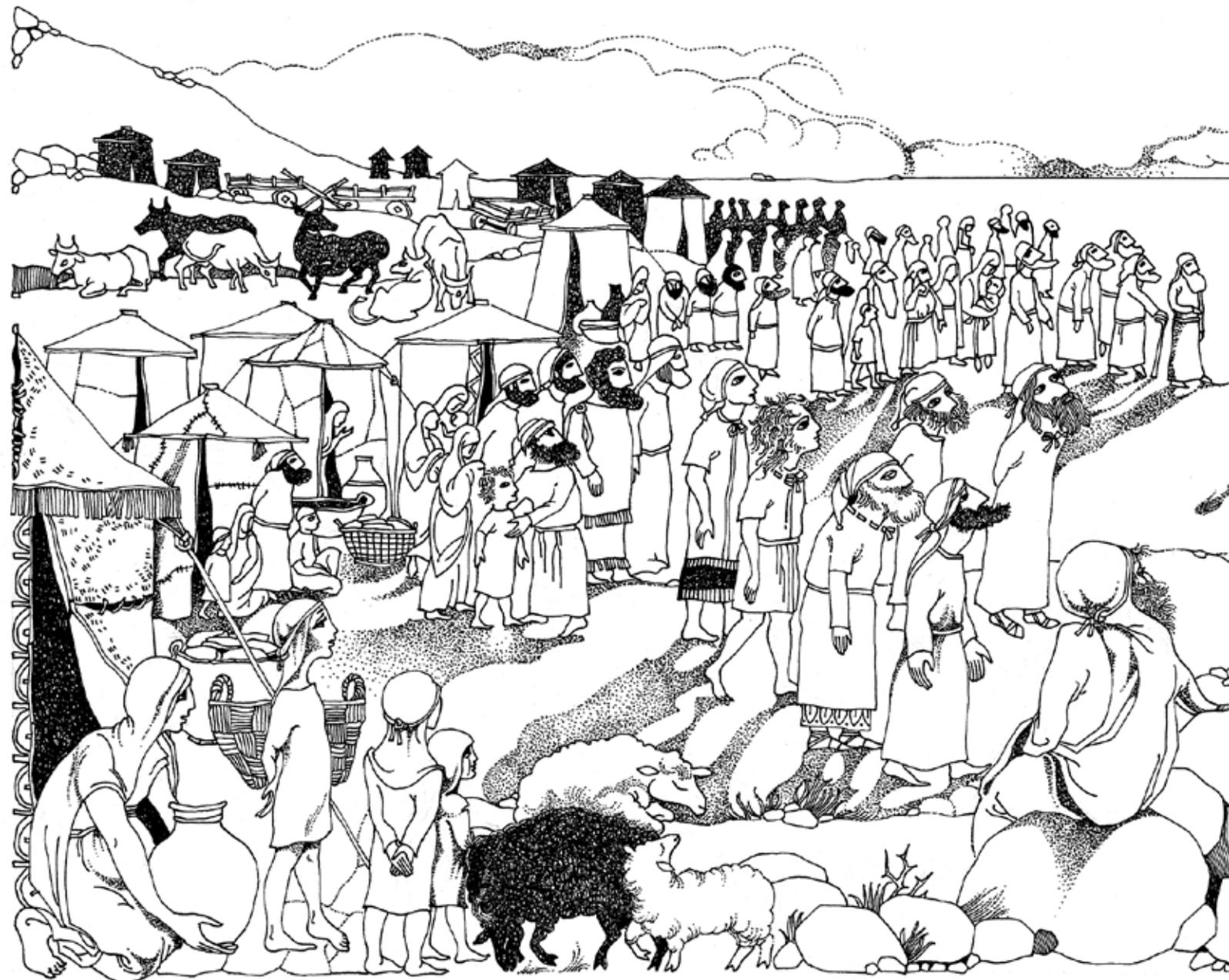
Музей разделен на две части. В одной собраны макеты вагонов, фотографии, документы и различные предметы, относящиеся к истории и современности трамвайного движения в Петербурге. В другой – собственно сами вагоны трамваев в натуральную величину, от до-революционных до современных. Есть среди них и первый (единственный сохранившийся) троллейбус, найденный на каком-то дачном участке и заботливо восстановленный.

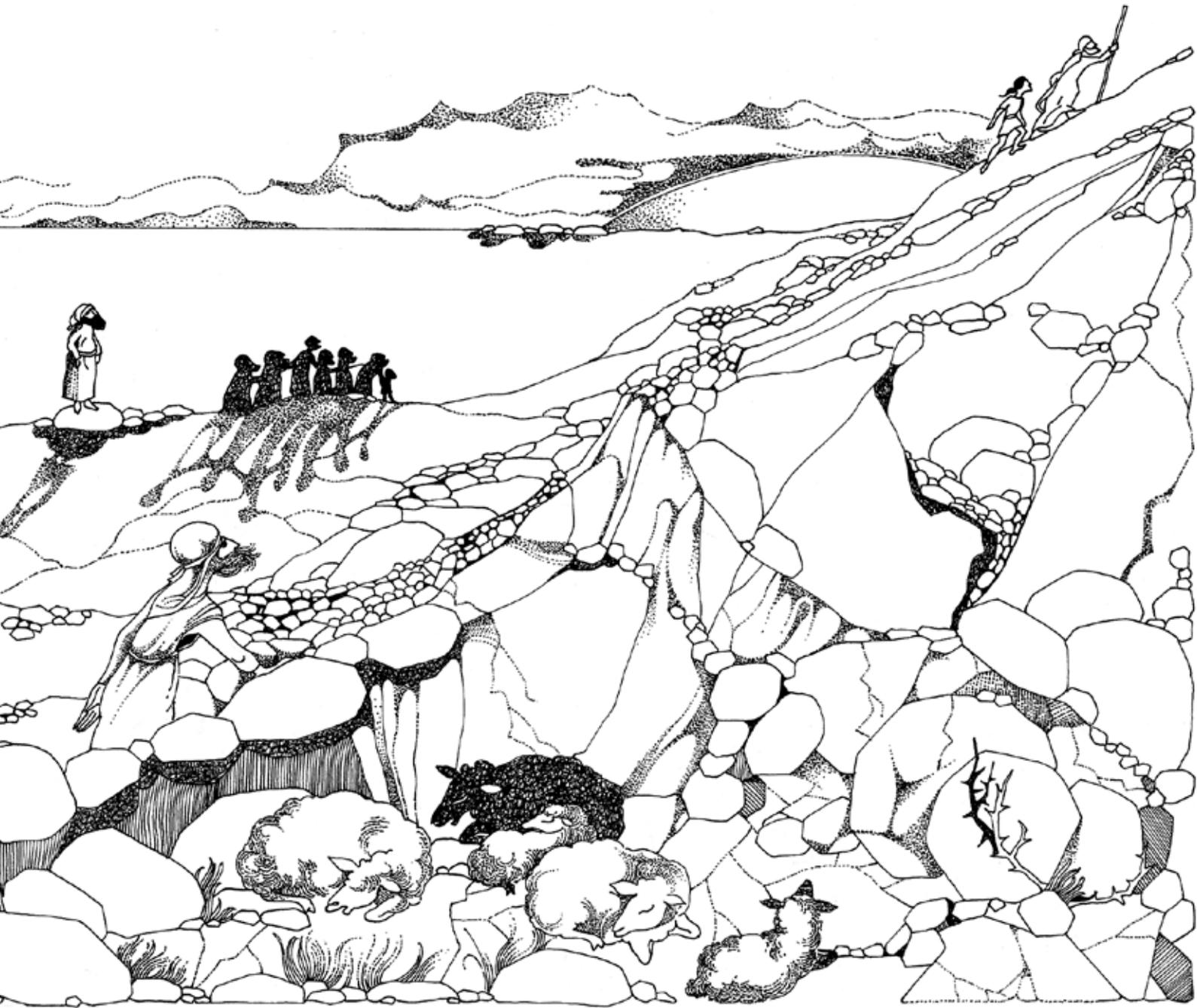
Все экспонаты на ходу, многие из них даже можно брать напрокат. Интересен сам по себе и трамвайный парк, где расположен музей. Кирпичное депо построено по типовому проекту трамвайных парков в 1906-08 гг. (архитекторы Ф. О. Тейхман и Л. Б. Горенберг). Жилые и служебные дома, тоже из кирпича, построены позднее, в 1913-15 гг. (архитектор А. А. Ламагин). В 1922 году парку присвоено имя рабочего-трамвайщика (разумеется, пламенного революционера) А. П. Леонова, чей бюст и по сей день в мемориальном скверике заботливо сохраняется и регулярно подкрашивается.

Интересно, что в Петербурге, на родине русского трамвая, постоянное трамвайное движение появилось позднее, чем в других городах Российской Империи. Такая задержка была вызвана условиями контракта с Акционерным обществом, эксплуатировавшим петербургские конно-железные дороги. До окончания данного контракта (в 1902 году) Городская дума не имела права «вводить иные виды тяги на существующих или вновь прокладываемых линиях». Именно поэтому пришлось пойти на уловку, проложив первые три временные трамвайные линии по льду Невы. В 1895 году в газетах с гордостью сообщалось, что благодаря устойчивой зиме в Петербурге была открыта первая электрическая железная дорога, проложенная «по царственной Неве» от спуска Дворцового моста, со стороны Адмиралтейства, до Мытнинской набережной. Проезд по этой первой трамвайной линии стоил две копейки.

Музей работает по будням. Телефон: 321-54-06.

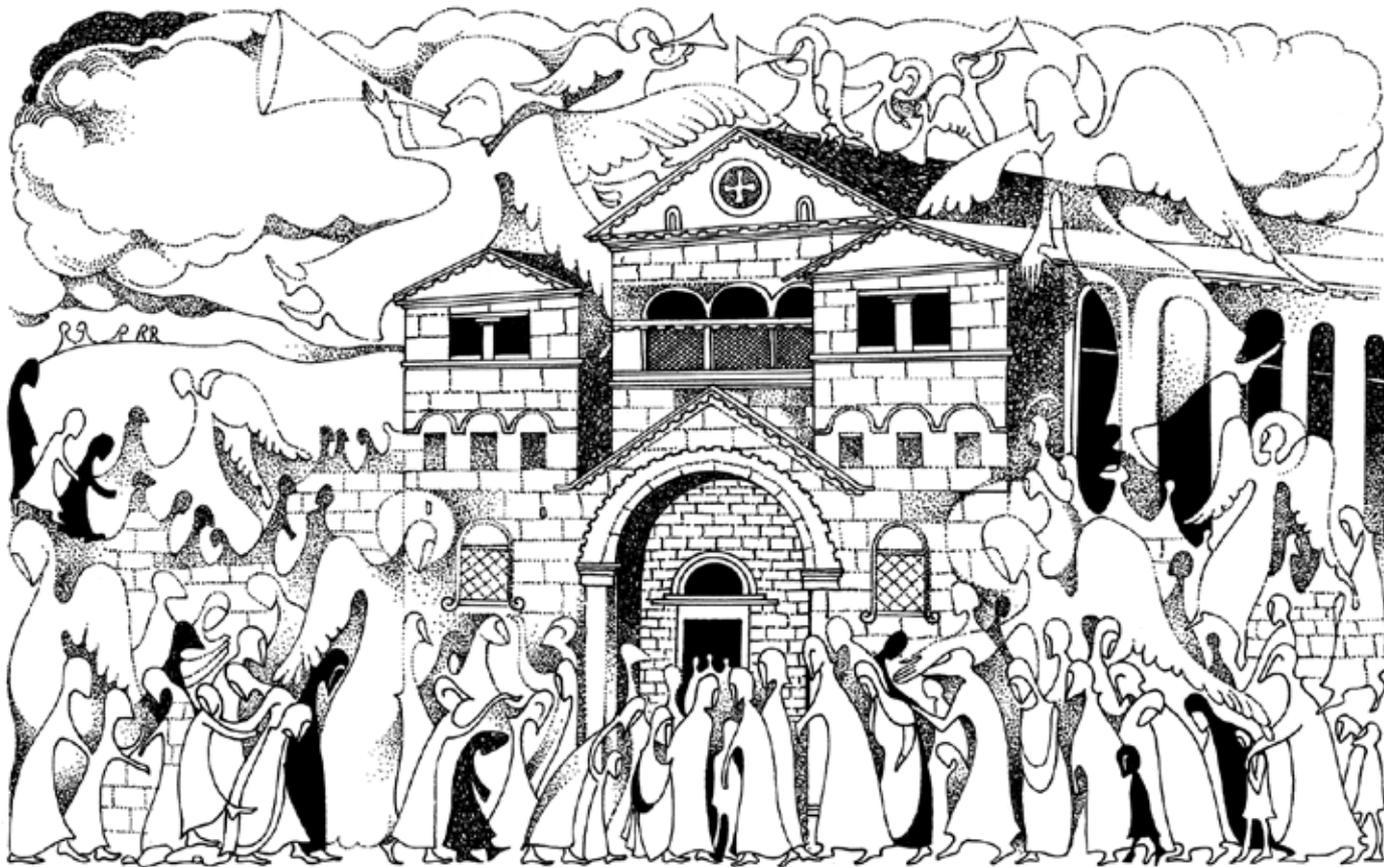

Lingua Sacra

Созванная Богом

Риснок: ЕКАТЕРИНА ГАЗВЕЛЬМАН

Когда в Древней Греции решались вопросы государственной важности, на главную площадь города стекались все жители. Это собрание руководствовалось принципами свободы и равенства. Власть его была огромна: оно определяло политику взаимоотношений с соседями, начинало войну, заключало мир, назначало полководцев. О его представительности свидетельствует тот факт, что при рассмотрении вопроса об изгнании афинского горожанина требовалось присутствие не менее шести тысяч человек. По-гречески такое собрание называлось «ekklesia». Именно этот общественно-политический термин христианская Церковь избрала для обозначения самой себя.

ИЕРЕЙ ВЛАДИМИР ХУЛАП кандидат богословия, клирик храма св. равноап. Марии Магдалины г. Павловска, РЕФЕРЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ОВЦС МП

Русское слово «церковь» (подобно английскому church и немецкому Kirche) происходит от греческого *κυριακόν* (дом Господень), которое употребляется с III в. для обозначения мест христианского богослужения. В Новом же Завете

общество верующих в Иисуса Христа всегда называется «ἐκκλησία» – «община, собрание», что до сих пор сохраняется в ряде европейских языков (*église* – во французском, *chiesa* – в итальянском, *iglesia* – в испанском).

Инициатива Бога

У термина *ἐκκλησία* есть своя богатая ветхозаветная предыстория. В Септуагинте, греческом переводе Ветхого Завета, понятие *ἐκκλησία* (от глагола *ἐκκαλέω*, букв. «вызы-

вать», «призывать») передает еврейское слово *qahal*. *Qahal* означает «вызывать», «созывать» и обычно употребляется для обозначения собрания, общины или общества израильтян (Втор. 18, 16; Лев. 10, 17). Тем самым речь идет о народе Божьем, призванном и созванном Богом для того, чтобы слушать слово Яхве, отвечать на него в молитве и поступать согласно Его воле.

Налицо отличие от привычного для нас термина «приход». «Приход» подразумевает собой и «уход», обозначая тем самым группу лиц, которые встречаются или собираются вместе по своей собственной инициативе. Напротив, *qahal* и *ἐκκλησία* обозначают сообщество созванных людей и подчеркивают приоритет активного действия Бога, Его спасительный призыв, на который в свободном согласии отвечает человек.

Термин *ἐκκλησία* не имеет оттенка элитарности, не означает какое-то особое «сообщество избранных». В Афинах призыв на общее собрание разносили по улицам особые гонцы, обращаясь ко всем жителям города, не потерявшим по какой-то причине этого гражданского права. Подобным образом христианская *ἐκκλησία* основана на всеобъемлющем призыве Божиим, который через благовестников Евангелия обращен ко всем миру.

В христианскую Церковь Бог призывает каждого человека независимо от его социального положения, национальности, возраста, пола, уровня образования. Церковь включает в себя всех тех людей, которые услышали этот призыв и приняли его не просто интеллектуально, но ответили на него всей своей жизнью. Именно они оставляют свои повседневные дела и выходят из домов, чтобы в общинном богослужении встретиться с Богом.

Церковь великая и малая

В Новом Завете понятие *ἐκκλησία* используется для обозначения «Церкви Божией», то есть Церкви во всей ее полноте (1 Кор. 10, 32); конкретной местной общины («Церковь Божия, находящаяся в Коринфе», 1 Кор. 1, 2) и собственно богослужебного собрания верующих («когда вы собираетесь в церковь», 1 Кор. 11, 18). Тем самым Церковь как вселенская

община актуализируется, согласно ап. Павлу, в тех или иных географических областях и, более конкретно, – в регулярных богослужебных собраниях. В его терминологии мы говорили бы не «Русская Православная Церковь», а «Православная Церковь (т.е. вселенская) в России».

Новый Завет показывает несколько важных составляющих понятия *ἐκκλησία*. Самая главная из них – божественное основание общины, выражающееся в обозначении «Церковь Божия» (Гал. 1, 13). Церковь принадлежит Богу, и именно Он, а не кто-либо иной, является ее источником.

Если бы не излилась обильно любовь Божия, то не существовало бы и Церкви; если бы Бог не открылся нам, то не было бы и Благой вести и, следовательно, ответа на нее.

Иногда акцент делается на ее человеческой стороне – так, ап. Павел говорит о Церкви фессалоникийцев (1 Фес. 1, 1).

Действительно, Церковь состоит из людей и существует для них, именно они – те живые камни, из которых она создается. Наконец, Церковь принадлежит Христу, именно Он – ее глава (Еф. 5, 23-24), поэтому она должна жить и действовать по Его заповедям и согласно Его воле. Она есть «тело Христово» (Кол. 1, 24), т.е. призвана к тому, чтобы стать в этом мире живым организмом, через который действует Христос, – возвещая своим голосом Его слово, предоставляя Ему готовые к делам милосердия руки, спеша неустанными ногами к тем людям, которые еще не слышали Благой вести.

Характерно, что в Новом Завете слово *ἐκκλησία* никогда не обозначает здание, но служит только для описания общины христиан. Действительно, в эпоху Нового Завета у Церкви еще не было своих храмов. Христиане собирались в домах, обладавших достаточным пространством, чтобы вместить всех собравшихся, что нашло свое отражение в

словосочетании «домашняя Церковь» (Рим. 16, 5; Кол. 4, 15).

От Синая к Сиону

Книга Деяний повествует, что после Вознесения апостолы «единодушно пребывали в молитве и молении» (Деян. 1, 14) – согласно церковной традиции, в Сионской горнице, где Христос совершил Тайную Вечерю. Именно в этой атмосфере единодушной молитвы и происходит чудо Пятидесятницы – рождается христианская Церковь. Святой Дух сходит не на группу разрозненных индивидуумов, но на общину услышавших Благою весть и пребывавших в этот день «единодушно вместе» (Деян. 2, 1). К ней и через нее ко всем народам земли Бог обращает Свой новый призыв.

Читая Деян. 2, нетрудно заметить ряд важных экклезиологических параллелей с Ветхим Заветом. В праздник Пятидесятницы иудеи вспоминали величайшее событие своей истории – дарование Закона на Синае, когда единодушно собранные израильтяне ожидали призыва Божьего у подножия горы.

Результатом стало возникновение народа Завета, поэтому Септуагинта называет этот день «днем экклезии», то есть днем собрания, днем Церкви (Втор. 9, 10). Христианская община в день Пятидесятницы становится эсхатологическим продолжением ветхозаветной Церкви, создаваемой Богом на новом Синае – Сионе (в Ветхом Завете они часто рассматриваются в параллели друг к другу).

Бог созывает Свой новый народ, чтобы сделать его участником нового Завета. Говорение на языках «о великих делах Божиих» (Деян. 2, 11) является знаком начала распространения Благой вести по всему миру. Благодарный ответ Церкви на призыв Божий выражается в совершеннии Евхаристии (греч. *εὐχαριστία* – благодарение, благодарность): «И каждый день они единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб [т.е. совершая Евхаристию], принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога» (Деян. 2, 47).

Именно это Таинство Таинств представляет собой зримую актуализацию вечной вселенской Церкви во времени и пространстве.

Собрание или смерть

Ранняя Церковь рассматривала регулярные богослужебные собрания как неотъемлемую составляющую своей христианской идентификации. В Новом Завете мы читаем о собраниях в Иерусалиме (Деян. 6, 2-6; 12, 12), Антиохии (Деян. 14, 27; 15, 30) и Троаде (Деян. 20, 7).

Древний памятник «Учение двенадцати апостолов» (кон. I в.) предписывает: «В день Господень, собравшись вместе, преломляйте хлеб и благодарите». Св. Игнатий Богоносец в начале II в. настоятельно призывает к тому же:

«Никто да не обольщается! Кто не внутри жертвенника, тот лишает себя Хлеба Божия. Если молитва двоих имеет великую силу, то насколько сильнее молитва епископа и целой Церкви? Поэтому кто не ходит в общее собрание, тот уже возгордился и сам осудил себя... Итак, старайтесь чаще собираться для Евхаристии и славословия Бога».

Даже Плиний Младший, легат Вифинии в 111–113 гг., рассматривал богослужебные собрания как важную характеристику христианской жизни, поэтому счел необходимым сообщить о них императору Траяну: «Впрочем, они [то есть христиане, которых он подверг допросам] утверждали, что вся их вина, все их заблуждение заключались лишь в том, что в назначенный день на рассвете они сходились, поочередно обращаясь с молитвами ко Христу как к Богу». Св. Иустин Философ (+ ок. 165 г.) в своей апологии, направленной императору Антонию, говорит, что в собраниях принимали участие «живущие в городах и селах».

Христиане собирались на богослужение, несмотря на суровые гонения: эти собрания согласно тогдашнему законодательству счита-

лись серьезным преступлением и приравнивались к бунту.

Их недоступность для «внешних» давала широкий простор фантазии язычников, полагавших, что христиане едят на них человеческую плоть, пьют детскую кровь, и все это происходит в атмосфере разнузданного разврата.

Однако христиане оставались бескомпромиссными; до нас дошел протокол допроса эпохи гонений Диоклетиана, в котором мученики из города Абитина говорят своим судьям: «Мы не можем существовать без наших воскресных собраний».

Не здание, но люди

Места молитвенных собраний христиан отличались от античных языческих святилищ прежде всего тем, что служили именно богослужебному собранию общины. Языческие храмы рассматривались греками и римлянами как жилище того или иного божества, поэтому их центром считалась небольшая комната (cella), в которой находилась соответствующая статуя. Все остальные строения, архитектурные украшения и т. п. должны были только подчеркнуть величие того, кому посвящен храм. За исключением некоторых торжественных народных процессий, у язычников не было ни одного богослужения, где принципиально важным было бы собрание молящейся общины.

Совершенно иную картину мы видим в Ветхом Завете – в Иерусалимском храме существовали специальные дворы для народа, женщин и язычников. Синагога, строившаяся практически в каждом городе, где была иудейская диаспора, предназначалась именно для собрания верующих, во время которого читалась и изъяснялась Тора, пелись псалмы и читались молитвы. Совершенно естественно, что в эпоху гонений христианское богослужение продолжало совершаться в домах состоятельных верующих, достаточно просторных для этой цели.

После изменения ситуации в IV в. Церковь, получившая возможность самостоятельно определять архитектуру своего храмового пространства, начинает использовать в качестве храмов базилики – светские здания, которые обычно использовались для гражданских про-

цессов и судебных разбирательств. В продольном сечении они представляли собой вытянутый прямоугольник, завершавшийся апсидой, что обеспечивало возможность собираться здесь большому числу верующих.

В отличие от языческого мира, где культовое строение было основным, а община – в лучшем случае второстепенной, основу христианского богослужения составляет собрание, а архитектура должна ориентироваться именно на него. Христианский автор III в. Минуций Феликс, обращаясь к язычникам, пишет: «У нас, христиан, нет храмов и алтарей» (то есть таких культовых зданий, как у вас), имея в виду, что христианское богослужение – совершенно иное по сути.

Вчера и сегодня

Все сказанное выше может показаться просто историческим свидетельством. Действительно, наши современники часто рассматривают Церковь как человеческую организацию со сложной иерархией, своего рода политическую партию с высоким рейтингом доверия или как приятное, красивое место, где можно поставить свечку, «чтобы повезло».

С одной стороны, это результат проекции других общественных моделей на церковное устройство, с другой – результат явно недостаточного экклезиологического самосознания, который вызывает трудности представления себя внешнему миру.

Даже для верующих Церковь зачастую становится источником удовлетворения «личных религиозных потребностей» или воскресным клубом, где можно пообщаться с другими прихожанами.

На самом деле ее природа совершенно иная: она есть живой богочеловеческий организм, состоящий из людей, которые ответили на призыв Божий, и служащий делу спасения всего мира.

Возродить и активизировать нашу приходскую жизнь может только осознание того, что все мы – священники и миряне – составляем единое сообщество людей, услышавших этот призыв и приходящих для совместного деятельного ответа на него.

Надежда

Рисунки: Екатерина ГАУЗЕЛЬМАН

Питер Крифт (Kreeft) известный католический апологет, профессор философии в Бостонском колледже, автор более 45 книг. Продолжение трилогии (начало см. в «ВЖ» №8), оригинал которой находится на сайте автора www.peterkreeft.com, публикуется с незначительными сокращениями.

ПЕРЕВОД: **НАТАЛЬЯ ХУЛАП**

Человек не может жить без надежды. Она не нужна только ангелам, поскольку они живут вне времени, у них нет будущего. Они уже обладают всей полнотой своей сущности. Но мы, сотворенные во времени, непрерывно движемся в будущее, и наш взор обычно устремлен вперед. Надежда подобна фарам автомобиля. Нелегко ехать в темноте с выключенными фарами.

Быть человеком означает постоянно расти.

Мы все младенцы по духу, и самые духовно зрелые из нас должны первыми признать этот факт.

Жизнь подобна постоянной беременности, а смерть – рождению. Жить без надежды все равно, что вынашивать мертвого младенца.

Надежда – это жизнь души. Душа без надежды мертва. Гоголь написал произведение с ужасающим названием «Мертвые души». Я часто вспоминаю это выражение, всматриваясь в глаза некоторых людей: как безвестных бродяг, так и знамени-

тостей. Мертвые души действительно существуют.

Подобно тому как тело умирает, когда его источник, душа, покидает его, так и душа умирает, когда ее покидает источник жизни – дух. Животворное дело духа в душе – дать смысл жизни и смысл смерти, другими словами – дать надежду. Надежда – пища души. Без нее душа просто не может жить.

Фрейд мудро заметил, что каждому человеку необходимы две вещи – любовь и работа, но работа означает надежду: это повод для того, чтобы встать утром, повод для любого дела. В современном обществе человеку все сложнее и сложнее найти причины, чтобы встать утром с кровати, сложнее, чем в каком бы то ни было существовавшем до нас обществе.

Мы не находим причины встать из постели, но знаем множество причин, чтобы в нее лечь.

Надежда – это забытая добродетель нашего времени, поскольку надежда (истинная надежда, богословская добродетель надежды, в отличие от неопределенного чувства оптимизма) для современного человека означает что-то неуместно трансцендентное, что-то неприятно сверхъестественное.

Такой человек не осмеливается поднять глаза к небу; его мировоззрение, не видящее ничего дальше собственного носа, не в состоянии понять и признать потустороннюю цель. Он может только наделять эту цель насмешливыми прозвищами типа «эскапизм» (бегство от жизни) или «журавль в небе».

Новый Завет призывает к небесной надежде почти на каждой своей странице. Он постоянно напоминает всем нам, что наше гражданство – на небесах. Современный мир воспринимает это не только как эскапизм и принятие желаемого за действительное, но и как предательство: если наше гражданство не в этом мире, то как мы можем быть лояльны ему?

Но это все равно что думать: если нерожденный младенец надеется родиться и покинуть материнскую утробу, то это будет предательством по отношению к этой утробе.

Отсутствие надежды означает жизнь в расплюсненном, низком, одномерном мире, во вселенной, где небо – это всего лишь плоская рас-

крашенная крыша несколькими метрами выше твоей головы.

Надежда же означает жизнь во вселенной, где возможно покорять горы и полной грудью вдыхать свежий воздух, где потрясающие небесные ветра носятся над твоей головой.

Самый глупый предрассудок неверующих людей заключается в том, что они считают христианство скучным собранием банальностей; они полагают, что христианство похоже на червя: плоское и «уничуженное». Однако мы никогда не бываем так высокими, как в то время, когда кланяемся.

Надежда дает нам высоту и пространство. Она выводит нас наружу, за пределы душевного маленького идола, называемого обществом, в безграничную и прекрасную вселенную. В эпоху надежды человек смотрел в ночное небо и видел «небеса». В век безнадежности люди называют небо всего лишь «пространством». Пустота заменила полноту. Там, где наши предки слышали «музыку небесных сфер», наши современники слышат только «вечное молчание безграничного пространства, которое наполняет меня ужасом», как заметил Паскаль.

Понятие надежды полностью опошлено современным мышлением, так же как и понятие веры. Подобно тому как «я верю» обычно означает просто «я чувствую», «я надеюсь» обычно означает только «я желаю» или «было бы неплохо, если бы...»

Но христианская надежда, богословская добродетель надежды, не есть желание или чувство; она – твердая уверенность, гарантия, якорь. Мы хороним наших умерших близких «в уверенности и надежде на воскресение». Чувства подвержены ветрам перемен во всех областях нашей жизни, от политики до

пищеварения. Но у христианской надежды есть основание. Это дом, построенный на камне, и этот камень – Христос.

Для христиан надежда исходит не из них самих. Это наш ответ на обетования Божии. Это не чувство, возникающее изнутри, не что-то такое, что мы можем расшевелить по нашему собственному желанию. Это наше «да» Божью призыву. Это альтернатива ответу, при котором называют Бога лжецом.

Объектом надежды является сам Бог, так же как Он есть и объект веры. Символ веры формулирует веру, а обетования Божии – надежду. Но объект надежды – не абстрактные обетования, а конкретный Бог, высказавшая их Личность. Бог всегда первый, Он всегда инициатор. Даже наш поиск Его всегда есть результат Его поиска нас. Поэтому надежда должна быть нашим ответом на Его инициативу. Бог – это не ответ на человеческую надежду; наша надежда – ответ Ему и Его обетованиям.

Таким образом, надежда не смутна, но определена и конкретна, потому что определены и конкретны обетования Божии. Это не означает, что они всегда ясные, а не таинственные или что они не требуют усилия веры, определенного ожидания или проверки. Но это означает, что Бог – не туманный и расплывчатый, но ясный и конкретный – дает обетования, не туманные и расплывчатые, а ясные и конкретные. Эти обетования записаны в Священном Писании, а не только в наших душах. Надежда определяется скорее книгой, словами, чем чувствами.

Если у вас есть время, проделайте замечательное упражнение: читайте Писание, отмечая и считая находящиеся в нем обетования. Их более трехсот: три сотни ясных обетований, многие из которых повторяются несколько раз в различных формах.

Таким образом, наш Бог есть Бог обетований. И каждое из этих обетований Он исполняет до последней буквы.

Обетования воистину осуществляются. Согласно библейскому пониманию, истина, в отличие от греческого взгляда на нее, не есть безвременная формула, нечто абстрактное и статичное.

Это то, что происходит в истории, то, что воистину осуществляется. Мессия – не идеал, это личность. Творение, грехопадение, Боговоплощение, крестная смерть, воскресение, вознесение, второе пришествие – не просто мифы, образы или идеи, это реальные события. Истина драматична; она осуществляется; мы видим ее.

Иоанн Богослов начинает свое Первое послание словами, до сих пор вызывающими благоговейный трепет перед этим воплощением Истины во времени: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши... возвещаем вам».

Надежда не бесформенна, и она универсальна. Несмотря на специфичность, она всеобща. У христианской надежды существует космическое измерение, которое покрывает, превосходит и охватывает разрозненные одиночные события.

Габриель Марсель, французский католический философ-персоналист, определяет надежду как «утверждение того, что за пределами всех данных, всех списков и всех расчетов существует таинственный принцип (principium, источник, начало, а не абстрактное утверждение или формула), находящийся в молчаливом согласии со мной, желающий того, что я желаю, если это желание достойно того, чтобы быть желанным, и на самом деле желанно всем моим существом».

Это довольно путаное, но глубокое определение означает, что все наши важнейшие нужды, ценности, стремления и идеалы, исходящие от данного нам Богом естества, от образа Божия в нас, не есть просто факты по отношению к нам самим, но и объективные факты; не только субъективные пятнышки на мониторе нашего сознания, но реальность, обнаруженная нашим внутренним радаром; не только корабельные обломки на море нашей человеческой души, но

и ракетносители, достигающие других миров.

Надежда означает: причина, по которой я должен выбрать жизнь, заключается в том, что в самом сердце реальности выбрана жизнь.

Надежда означает, что когда я говорю «лучше существовать, чем не существовать», я выражаю не предубеждение или чувство, но факт; все существующее вовлекает меня в космический хор одобрения.

Надежда означает: моя скрытая жажда Бога, пусть неясная и бессознательная, есть след самого Бога в моем существе. Надежда означает: мучительное и восторженное стремление к радости, которую этот мир никогда не сможет дать, есть верный знак того, что я был сотворен Тем и для Того, Кто есть единственно истинная радость.

Таким образом, когда я вопреки надежде надеюсь, что мой друг поправится, хотя доктора убеждают меня, что его болезнь смертельна, я не играю с врачами в игру предсказаний и статистических величин, но пророчески заявляю нечто о природе высшей реальности: я желаю победы жизни над смертью, я понимаю, что смерть – это шелуха, эпидермис или внешняя оболочка жизни, а не наоборот; высшая реальность – это не индифферентный космос, но безгранично заботливая и любящая Воля.

Нельзя переоценить надежду, потому что единственной ее альтернативой является отчаяние, которое хуже смерти. Лучше умереть в надежде, чем жить в отчаянии. Мы видим это в конце классической «Повести о двух городах» Чарльза Диккенса, где автор говорит о своем добровольном мученичестве: «Это самое лучшее из всего, что я когда-либо сделал».

Отчаяние – это силуэт надежды: оно определяет контуры надежды ее

отсутствием. Мы начинаем особо ценить то, чего мы лишаемся.

Именно поэтому мы особо благодарны прекрасным описаниям отчаяния в литературе, от Екклесиаста («суета сует, все суета сует...») до Жана-Поля Сартра. По книгам величайших атеистов можно даже попытаться создать богословие. Бог, которого там нет, иногда чрезвычайно реален и ясен.

Восстановление забытой богословской добродетели надежды может даже помочь исцелить трения в Церкви между либералами и консерваторами. Либералы делают акцент на любви, часто за счет веры, а консерваторы – на вере, часто за счет любви. Надежда создает мосты между двумя другими богословскими добродетелями и, следовательно, между либералами и консерваторами.

Если начать с любви, то надежда приведет тебя к вере, так как, если ты любишь кого-то, ты хочешь, чтобы прекрасные сверхъестественные догматические истины веры о человеческом предназначении были правдой.

Если начать с веры, надежда приведет тебя к любви, так как, если ты веришь в учение Церкви о человеческом предназначении, то твоя любовь к Богу должна также стать любовью к Его образу в твоём ближнем, который предназначен стать причастником божественной жизни. Надежда создает мосты – между верой и любовью, между консерваторами и либералами, между настоящим и будущим, между землей и небом.

Последнюю часть трилогии – «Любовь» – читайте в следующем номере журнала «Вода жива»

Христианство в истории России

Религия, как душа нации, формировала народ на протяжении многих столетий. И Россия в том виде, как она сложилась и оформилась, есть страна христианская, православная, с чем связаны все ее достижения и поражения – особенно в области духа.

СЕРГЕЙ ФИРСОВ ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК; ПРОФЕССОР СПбГУ

Вопрос времени

В 1843 г., составляя ответ на статью А. С. Хомякова «О сельских условиях», П. Я. Чаадаев обратил внимание на вопрос об органичности или неорганичности российского быта русскому национальному характеру. Славянофильское понимание национального духа было неприемлемо для Чаадаева, и в попытке показать неорганичность отечественного жизнеустройства он обратил внимание на два принципиальных эпизода русской истории: призвание варягов и «насильственное» крещение Руси. Пародируя славянофилов, Чаадаев воскликнул: «целый народ, одним христианством созданный». И если не соглашаться с ним, то как оценивать принятое в X веке князем Владимиром решение? Ведь не может иметь однозначной трактовки ни одно глобальное действие, приведшее народ к новым формам жизни, а государство – к новому пониманию своей сущности. К тому же история не знает сослагательного наклонения.

Известно, что в классических эпохах христианской культуры Церковь и общество совпадают, а в периоды упадка социальное значение Церкви сильно суживается. Г. П. Федотов, задумывавшийся над тем, какая Россия грядет впереди и какую Россию «мы потеряли», справедливо писал, что историю XVIII–XIX вв. можно излагать, отвлекаясь от христианских Церквей и сект. «Оказалось возможным, – резюмировал он, – и историю императорской России схе-

матически чертить без изображения церковного быта XIX века. Картина дворянского упадка могла бы быть дополнена очерком церковного оскудения. Мы увидели бы приниженность духовенства, угодливых и честолюбивых иерархов, сельских священников, погрязших в пьянстве и любостыжании, распущенных монахов: во всей России едва ли удалось бы насчитать десятка два обителей, в которых теплилась духовная жизнь».

Нарисовав эту удручающую картину и заявив, что народ не уважая духовенства, не питал к нему и злобы, Г. П. Федотов, тем не менее, перевел разговор на иную тему, отметил: «Церковь была дорога не служением пастыря, а красотой обряда, с которым сросся кровно народный быт». Чем не ответ Чаадаеву!

Дитя-Россия

Для русского христианства всегда исключительное значение имела форма, правильность которой а priori предполагала и истинность содержания. Более того, вплоть до XVIII века в традиционном культурном сознании форма и содержание были принципиально тождественны. Причин этому много, и главная из них – принятие религии от греков, осознанно избегавших эллинизации прозелитов. И на русских землях христианство, успешно натурализовавшись, не стало орудием светского познания.

Греки не заставляли славян учить свой язык, что ограничивало приоб-

ращение к византийской цивилизации языковым барьером. В таких условиях существование веры трудно было отделить от принесших ее людей. Желание сохранить полученное сокровище в целостности, без каких-либо изменений, «по форме», на долгие столетия стало религиозно-политическим credo Руси-России. Это тонко подметил В. В. Розанов, образно выразив в лаконичной фразе: «Дитя-Россия приняла вид сморщенного старичка. Так как нарушение «Устава» папами было причиной отделения Восточной Церкви от Западной, или разделения всего христианства на две половины, – писал он далее, – то Византия нашептала России, что «устав», «уставность» – это то и есть главное в религии, сущность веры, способ спасения души, путь на Небо. Дитя-Россия испуганно приняла эту непонятную, но святую для нее мысль; и совершила все усилия, гигантские, героические, до мученичества и самораспятия, чтобы отороческое существование свое вдавить в формы старообразной мумии, заващавшей ей свои вздохи. Как «уподобиться» Византии – в этом состояло существование исторических забот России в течение более чем полутора тысячелетия».

Розанов попытался поставить диагноз духовному состоянию народа, исходя из того, в чем этот народ воспитывался. А воспитывался он на образе умиравшей Византии, испытывая влияние «формы» на дух. Так философ пытался объяснить популярность идеи «умервщения» в древней России. Жизнь восприни-

мается как ночь, смерть как рассвет, а вечный день «там», с Отцом Небесным.

Схема простая, четкая. Но, как и любая схема, она не дает представления о нюансах исторического развития, заставляя либо согласиться с логикой мышления философа, либо ее отвергнуть.

Соблазн расставить все акценты и уже под определенным углом рассматривать процесс становления русского народа как народа византийско-христианского велик.

Ведь вплоть до Флорентийского собора 1438 г. и последовавшего затем разрыва Русь (как Киевская, так и Московская) питала искренние чувства к своей религиозной воспитательнице, признавая в Византии источник своей веры и центр более высокой культуры. Понятно, что такой источник не должен был (и не мог быть) осквернен.

Политическая традиция, идущая от Константина Великого и закрепленная в VI в. императором Юстинианом в концепции «симфонии властей», также не могла игнорироваться в русских землях, хотя первоначально ни о каких «правах наследия» не могло быть и речи.

Политическая проекция на религиозную жизнь стала возможна, лишь когда московские князья приступили к строительству своего русского государства.

Здесь религиозно-политические задачи власти и переплелись с православием как формой жизни русского народа, постепенно формировавшейся на протяжении нескольких столетий.

В результате христианство стало формой политического бытия и нормой обыденного существования – несмотря на остатки языческой религиозности, сделавшие «двоеверие» реальностью народной жизни вплоть до XX века.

Homo religiosus

Пословица «без Бога – не до рога» характеризует не только и не столько «праведность» русского человека, сколько укорененность религиозного начала в его жизни.

Церковность окружала людей даже вне богослужения и храма. Жизнь шла по церковному календарю и по святцам; Церковью освящались практически все события

жизни: брак, новоселье, начало и конец сельскохозяйственных работ, день Ангела, похороны, поминание усопших.

Молитва предшествовала принятию пищи, сну, всякой работе. Для понимания русской религиозности важно помнить, что русский человек вполне искренне воспринимал христианство не только как религию суда, но также как религию спасения и милосердия.

Собственно говоря, механизм соединения этих трех компонентов дает возможность приблизиться к осознанию того, что такое христианство в его историческом преломлении; в нашем случае – в «русской форме».

При этом игнорировать фактор православной государственности – значит изначально внести ошибку в рассуждение.

Любое соединение только тогда успешно, когда оно не механично, а органично.

Становление homo religiosus предшествует всякой религии и, конечно же, формированию конфессионального государства.

Но, в свою очередь, и государство, выбравшее в качестве своего основополагающего принципа некий религиозный идеал, неминуемо будет оказывать растущее влияние на религиозное развитие живущих в нем людей.

Если согласиться с тезисом Дмитрия Оболенского, что с принятием христианства от греков Русь стала частью «византийского содружества», этого сверхнационального единства христианских народов, символически возглавлявшегося императором и Константинопольским Патриархом, то придется признать: тем самым восточные славяне получили первое представление о том, что такое империя, что такое «вселенскость».

Без этой прививки трудно объяснить процесс формирования представлений о своей роли и ответственности в христианской истории человечества.

А без этого – невозможно понять выражения «Святая Русь» и «Москва – Третий Рим», равно как и объяснить позднее, уже XIX-го века, определение религиозно-политической сущности императорской России, выраженной в уваровской триаде «Православие, самодержавие, народность».

Претензии и реальность

Формирование религиозно-политического образа, в дальнейшем становящегося оценочным при характеристике страны, – процесс долгий и не всегда логически оправданный. И все же этот «образ» помогает понять и почувствовать психологию народа в большей степени, чем усвоение определенных исторических знаний. Дело вовсе не в точном соответствии претензии – реальности. Принцип «Святой Руси», равно как и право на наследие Византии (в качестве Третьего Рима), могут пониматься в качестве национальных «форм», точно так же уясняющих сущность народа, как идея «доброй старой Англии» характеризует англичан, а идея «веселой Франции» – французов.

Разумеется, христианство на Руси сыграло основную роль в деле усвоения русскими идеалов «Святой Руси» и связанной с ними идеи «Москвы – Третьего Рима».

Этому усвоению способствовала история становления государственности, включавшая эпоху ордынского ига. Не будем забывать, что иго – не только социально-экономический, но и морально-нравственный феномен, время привнесения в формирующееся национальное сознание в том числе и ранее несвойственных ему представлений о чести и бесчестии.

Не случайно В. О. Ключевский говорил о нравственном разорении, повергшем народ в мертвенное оцепенение – «панический ужас одного поколения мог развиться в народную робость, в черту национального характера». То, что этого не произошло, – безусловная заслуга Церкви.

Русские признавали хана царем de facto, ибо такова была «воля Божия», но Церковь постоянно напоминала им о существовании христианской империи, о том, что повинование ордынскому «царю» не исключает ненависти к поработителям. А переплавить разрушающую чело века ненависть в созидательную любовь может только религия. В Московской Руси так и было.

Символом этой любви стал Сергей Радонежский, один из самых популярных русских святых, создатель праздника Св. Троицы и основатель Свято-Троицкого монастыря (буду-

щей Троице-Сергиевой Лавры). Культ Троицы становится чрезвычайно популярным именно в XIV–XV вв.

Историки видят секрет популярности Троицы – нераздельной и неслиянной – в отношении народа к политической жизни Руси того времени. Как нераздельная, Троица олицетворяла необходимость собирания русских земель, как неслиянная – требовала освобождения от ига. Идея Троицы как идея единения и любви оказалась действенной и жизненной, а ее проповедь, в религиозном деянии осуществлявшаяся Преподобным Сергием, оказала влияние и на политическое развитие страны.

Не случайно В. О. Ключевский писал, что «при имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной».

Имперский дух

XIV и XV вв. – время активного строительства «крепости», проходившего на фоне апокалипсических ожиданий (1492 год от Рождества Христова по церковному календарю был 7000 годом от сотворения мира и воспринимался как «суббота Господня», завершающая историю). Апокалипсические ожидания не носили черт фанатизма и духовной истерии: внимание привлекало позитивное содержание Откровения Иоанна Богослова – победа Христа над силами зла и торжество Его Царства. И хотя надежда на приход Христа в конце 7000 г. не оправдалась, именно ей Россия обязана духовными и политическими свершениями: Куликовской победе, созданию Московского государства, расцвету иконописи...

Тогда же, в XV в., оформляется и идея Москвы как религиозно-политического преемника павшей «под секирами внуков Агари» в 1453 г. Византии. А в конце 1490-х годов учреждается государственная печать с двуглавым орлом: «государь всея Руси» Иван III имел претензии на генеалогию, восходившую к римским цезарям, рассматривая себя равным императору Священной Римской империи немецкой нации.

Тогда же Русская Церковь начинает внедрять представление о великом князе Московском не только как о самодержце и государе, но и как о русском царе, проявляя тем самым тенденцию, сводившуюся к замещению византийского автократора русским.

В этом контексте концепция «Москвы – Третьего Рима» становится не только объяснима, но и оправдана. Но понимать ее надо не только и не столько как политическую, сколько как религиозную по сути и форме. Б. А. Успенский писал, что, замещающая в конце XV – начале XVI вв. Константинополь, Москва сначала понимается как Новый Иерусалим, а затем уже и на этом фоне – как Третий Рим. Теократическое государство становится империей!

Лишь по мере ослабления эсхатологических переживаний, переживаний 7000-го года, идея Константинополя как «Нового Иерусалима» уступает место идее «Нового Рима». «Иерусалим и Рим обозначают две разные перспективы – Божественную и человеческую, – которые соответствуют двум пониманиям царства, – писал Б. А. Успенский, – как Царства Небесного (Отца и Сына и Святого Духа) и как царства земного (христианской империи)».

В историческом плане они ориентируют на историю Церкви или на историю империи. При таком понимании замена выражения «Новый Иерусалим» на «Новый Рим» в контексте оценки новой исторической роли Москвы оказывается чрезвычайно значимой».

Религиозная ответственность государства как наследницы некогда

великой христианской империи имела свои последствия, которые трудно охарактеризовать однозначно: оценочная шкала прошлого всегда лукава. И все же.

Формула власти

Русские государи привыкают смотреть на себя (и на свою власть) через призму христианского служения, чем дальше, тем больше проникаясь идеей, высказанной преподобным Иосифом Волоцким в 1510–1511-х годах: «Царь убо естеством подобен всем человеком, а властью же подобен есть вышнему Богу».

Формула единодержавной власти найдена. С тех пор ни один российский самодержец не усомнился в правоте иосифлянской сентенции, воспринимая «симфонию властей» сугубо через призму собственной богоподобной власти. Укрепление православного государства (самодержавной «вотчины»), собственно, и означало реализацию мессианской идеи Третьего Рима – во что бы то ни стало. Так «государство пухло, народ хирел».

Идеи персонализма и творчества, развитие которых замечают исследователи в XIV – начале XV вв., не получили продолжения в дальнейшем. «Предвозрождение» не обратилось в Возрождение. Но вина тому, думается, не только интенсивное государственное строительство, требовавшее исключительного напряжения эмоциональных и физических сил народа.

Все это важно, но лишь с учетом дополнительного фактора. На него давно обратил внимание русский философ Ф. А. Степун, замечавший, что защищенное незнанием латинского языка от соблазнов античной мысли, отечественное православие мало работало над вопросами догматики, апологетики, моральной и социальной философии, в результате оказавшись неприспособленным в борьбе с омирщенной мыслью нового времени.

При этом Ф. А. Степун замечал, что православие, в отличие от католицизма, прошло мимо античного учения о естественном праве. «Ведь на естественном праве покоятся все права человека и гражданина: свобода вероисповедания, свобода слова, собраний и т. д.

Православная Церковь естественного права как христианской темы никогда не знала и потому никогда не защищала христианскую душу гражданина от государственной власти и всех ее несправедливостей. Учение о естественном праве появляется в России не как христианская, а как антихристианская и, во всяком случае, как антицерковная тема».

Но можно ли винить в этом православное государство и православных государей – защитников и покровителей веры? Полагаю, что ответ должен быть отрицательным. Получив византийское наследие, они оказались в положении главных хранителей благочестия в единственно возможных на тот момент политических формах, формах «Третьего Рима».

Русское христианство все больше и больше оказывалось подчиненным этой утопии, окончательно и бесповоротно замыкаясь на обрядах и церковности, опасаясь новшеств и стремясь сохранить старину.

Даже церковнославянский язык понимался на Руси не просто как одна из возможных систем передачи информации, а как система символического представления православного исповедания. Предполагалось даже, что изучение иностранных языков вызывает гнев земли.

Неслучайно реформы Патриарха Никона вызвали сильнейшее противодействие в русском обществе, хотя они касались формы, а не содержания.

События, вызвавшие раскол в русском православии, очевидно, можно считать ответом на вызовы нового времени, заставлявшего задумываться о проблематичности сохранения единства религиозных «формы» и «содержания».

Судьба человека

К концу XVII века на смену древнерусской историософии, согласно которой история определяет судьбу человека, приходит предьявляющий на нее – историю – свои права человек. Европейский гуманизм (барочная «новизна») приходит в Россию, побуждая к преодолению прошлого.

В течение XVII в. динамизм становится государственной практикой. По слову академика А. А. Панченко, «все группировки русской интелли-

генции так или иначе ориентируются на динамизм, так или иначе «соударяются» с европейским барокко». Это «соударение» для Русской Церкви было настоящим *memento mori*, ибо говорило о неизбежном приходе нового времени, с иной шкалой ценностей и приоритетов.

Причив светскую власть в лице верховных ее носителей ощущать себя земными богами, Церковь постепенно потеряла возможность морально влиять на Царство. И личная религиозность монархов уже не имела значения, – самодержавие не терпит двоевластия.

Петр Великий откровенно заявил об этом в своем «Духовном регламенте». Православная Церковь, объявляемая «первенствующей и господствующей», откровенно ставится на службу утилитарным целям государства. Христианская вера при этом оказывается зажата в тиски «официальной церковности», получая легитимность в контексте с самодержавием и народностью. Сохранение постепенно «отслаивается» от формы.

Имперский Петербург отнюдь не был эманацией благочестивой Москвы, но не был и ее имитацией. Неслучайно «народная вера» к концу Синодального периода стала противопоставляться «тепло-хладной вере» образованного меньшинства. Только в среде русского крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны, «форма» так и продолжала определять «сохранение», влияя на религиозное мирозерцание.

Отдавали ли в этом отчет те, кто в последние предреволюционные десятилетия определял политическую жизнь народа? Безусловно. И не

только отдавали отчет, но даже считали одним из важных достижений русского христианства. Понимавший религиозную психологию православного человека и по собственному опыту знавший, что Церковь красна народом, учитель двух последних самодержцев К. П. Победоносцев написал об этом убедительно и просто:

«Какое таинство – религиозная жизнь народа такого, как наш, оставленного самому себе, неученого! Спрашиваешь себя: откуда вытекает она? – и когда пытаешься дойти до источника – ничего не находишь. Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и Церковью. И еще оказывается в иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего, ни в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш», повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы. И однако – во всех этих невоспитанных умах воздвигнут, – как было в Афинах, – неизвестно кем, алтарь Неведомому Богу; для всех – действительное присутствие воли Провидения во всех событиях жизни – есть факт столь бесспорный, так твердо укоренившийся в сознании, что, когда приходит смерть, эти люди, коим никто никогда не говорил о Боге, отверзают Ему дверь, как известному и давно ожидаемому Гостю. Они в буквальном смысле отдают Богу душу».

Это – плоды христианства в России, результат не политического, а морального влияния Православия на нацию. Это – и ответ П. Я. Чаадаеву, повторение, но уже без иронии, его фразы о «целом народе, одним христианством созданным». Даже если считать «государственное православие» в России политическим феноменом, необходимо признать: реализация сверхзадачи – претворение в жизнь утопии «Третьего Рима» и стремление быть «новой Византией» – содействовало кристаллизации формулы идеальной русской жизни, – формулы «Святой Руси», без которой невозможно понять Русскую идею и разобраться в тысячелетней истории народа.

Ветхий Завет

(греч. Παλιὰ διαθήκη, лат. *Vetus Testamentum*) – один из ключевых терминов христианского богословия, употребляющийся в двух основных значениях.

ЮРИЙ РУБАН КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, КАНДИДАТ БОГОСЛОВИЯ

1 «Завет» как особая религиозная реальность. В своей основе данное понятие восходит к области социально-юридического опыта. (В этом значении славянский термин «завет» не вполне точно передает смысл евр. берит – «союз», «договор», «контракт»). Древневосточный обряд заключения договора между двумя сторонами включал в себя принесение жертвы и произнесение проклятия на его нарушителей. При этом договаривающиеся проходят между двумя половинами рассеченной жертвы, навеки скрепляя договор пролитой кровью (см. описания заключения завета Бога с людьми в Библии, – Быт. 15, 9-10, 17-18; Иер. 34, 18). В память о заключенном союзе ставят камень или сажают дерево, призывая их перед небом быть его свидетелями.

В отличие от вассальных пактов, подразумевающих вынужденное принятие покровительства, подлинный союз – это союз между равными. Он предполагает взаимоуважение и добровольное согласие вступающих в него сторон, что обуславливает нравственную свободу и возможность его расторжения без боязни ответных карательных санкций. Данными условиями определяется и особый характер взаимоотношений Бога и человека в Библии, не имеющий прямых аналогий в других древневосточных религиях, где боги изначально определяют человеку роль раба (слуги), навсегда удерживая за собой важнейшие привилегии, главная из которых – бессмертие. В силу этого союза-завета, являющегося исходной точкой и движущим нервом библейской (и христианской) религии, человек принимает заповеди Бога и творит на земле Его волю, а Бог покровительствует человеку и его «спасает».

Начало такому (не высказанному прямо) завету было положено еще в раю (Сирах. 17, 5-8, 10), а его на-

рушением стало грехопадение. Неверности человека противопоставляется верность Бога, Который прощает свое создание, восстанавливая «вечный» завет через обещание Спасителя (Быт. 3, 15). Таким же всемирным характером отличается завет с Ноем и, через него, со всем мирозданием (Быт. 8, 22; 9, 9-17). Круг хранителей особого Откровения суживается в завете с Авраамом и его потомками (Быт. 17, 19; 28, 4). Синайский Союз определяет окончательный характер Ветхого Завета: Израиль становится «народом Божиим» (Исх. 3, 10), которому обещана Ханаанская земля, помощь и покровительство (Исх. 19, 5-8). Историческое предназначение Израиля – не только основать на земле «Царство Божие» и проводить в своей жизни начала монотеизма, но также быть воспитующим примером окружающим народам – «светом для язычников» (Ис. 42, 6; Рим. 2, 19-20). Вследствие неверности Израиля (Иер. 2, 9) древний договор оказывается нарушенным, но открытый Богом замысел союза сохраняется неизменным (Иер. 31, 35-36; 33, 20-22).

Поэтому будет новый союз в конце времен. За шесть веков до Иисуса Христа пророк Иеремия провозгласил крушение старых национально-политических иллюзий и заключение «нового союза» между Богом и людьми на исключительно духовных началах (Иер. 31, 31-34).

Члены Кумранской общины (т. н. ессеи) считали себя людьми «нового завета», а христианство с момента возникновения жило верой в то, что ожидания Иеремии осуществились. Старое соглашение, заключенное между Богом и человеком через посредство одного народа, сменилось новым союзом-заветом, заключенным со всеми людьми через воочеловечение и спасительную жертву Сына Божия. Сам Христос на

Тайной вечере указал границу между этими двумя уровнями бытия: «Сия есть кровь Моя нового завета» (Мф. 26, 28). Поэтому мировая история делится на два периода: эру до и эру после Рождества Христова, или эру «ветхого (старого)» и эру «нового» завета (отсюда употребление термина Ветхого Завета, также в хронологическом аспекте – «ветхозаветные времена»).

Постепенное переосмысление идеи союза с равноправного «договора» двух сторон на волеизъявление Бога, определяющего нормы человеческого поведения, привело к тому, что уже в Септуагинте еврейский термин берит передан не эквивалентным ему греч. συνθήκη («договор»), но словом διαθήκη («завещание», слав. «завет»). (В латинской Библии ему соответствует термин *testamentum*, перешедший в западноевропейские языки). Именно этот смысл вкладывает в него апостол Павел, говоря о «завещании» Господа, данном христианам в «вечное наследие» (Евр. 9, 15-16).

2 Сборник книг, составляющих первый раздел христианской Библии (в иудаизме – полная Библия). Название в христианской традиции объясняется его главным содержанием – историей сохранения этого «ветхого» союза-завета до заключения «нового». Термин «Ветхий Завет» в современном «книжном» значении впервые, видимо, употреблен апостолом Павлом (2 Кор. 3, 14).

Христианское осознание непреходящей религиозной значимости Ветхого Завета (на что указывал сам Иисус Христос, – Мф. 5, 17-18; Лк. 16, 17; 24, 44 и др.) выражает классическая формулировка Августина Блаженного: «*Novum Testamentum in Vetere latet, Vetus Testamentum in Novo patet*», «Новый Завет в Ветхом скрывается, Ветхий Завет в Новом раскрывается».

Никольская церковь в Русско-Высоцком

БОРИС АЛИШОВ КРАЕВЕД

Село Русско-Высоцкое расположено к западу от Санкт-Петербурга, на 25-м километре Таллинского шоссе (раньше старинный Ямбургский почтовый тракт). Название «Высоцкое» оно получило от одноименного подмосковного села, жители которого были переселены сюда по приказу Петра I в начале XVIII века.

В 1770-е годы Высоцкое принадлежало графу Г. Г. Орлову (1734–1783 гг.). В 1777 году Григорий Григорьевич на свои средства выстроил для крестьян церковь святого Николая Чудотворца. Богослужения в ней начались в 1778 году. Во времена правления Павла I село было подарено полковнику Федору фон Шацу, который в 1836 году пристроил к церкви придел святого Димитрия Ростовского. В 1841 году наследник фон Шаца продал имение Фекле Крестовской, поэтому мызу иногда называли Крестовской. Фекла Акиндиновна скончалась 3 декабря в 1861 г. и была погребена в храме рядом с Варварой Николаевной Шац. По завещанию помещицы в 1866 году в церкви был выстроен второй придел, названный в честь равноапостольной Феклы. Строительством руководил архитектор Львов.

После смерти Феклы Крестовской село перешло по наследству ее родственнику – помещику С. Д. Вальватьеву. Позднее владельцем стал его сын Н. С. Вальватьев, который увлекался садоводством. У него были сад и оранжерея, где росли кокосовые пальмы, виноград, цитрусовые и другие субтропические растения. Террасы дома были увиты виноградом. В парниках был выведен сорт капусты «Вальватьевский», который выращивали жители близлежащих деревень.

На карте Петергофского уезда 1898 года, составленной земской управой, можно видеть, что Высоцкое относилось к Витинской волости. В селе было 155 домов

и проживало 906 человек, в основном русских. Возможно поэтому позднее его стали называть Русско-Высоцкое. На его территории находилась школа, земское училище, в котором учились 36 учеников, мыза. Крестьяне занимались земледелием, скотоводством, торговали глиняной посудой.

В 1899 году в приходе церкви Николая Чудотворца состояли село Высоцкое, деревни Капорская и Ускул (234 двора, 609 мужчин, 660 женщин). В это же время на кладбище рядом с церковью была построена часовня.

После революции Н. С. Вальватьев уехал за границу, оставив земли и усадьбу крестьянской коммуне. В годы Гражданской войны Русско-Высоцкое оказалось под ударами войск Юденича. Когда установилась советская власть, здесь был организован колхоз «Завет Ильича».

Богослужения в церкви прекратились в 1937 году, а в 1939 ее закрыли. Последним настоятелем числился протоиерей Андрей Феодорович Лавров, учитель начальной школы.

Во время Великой Отечественной войны Русско-Высоцкое с прилегающими населенными пунктами оказалось сначала в оккупации, а затем в эпицентре жарких боев при прорыве кольца блокады Ленинграда. Никольская церковь стала хорошим ориентиром для воюющих сторон и была почти полностью разрушена. Ныне от храма, числящегося памятником архитектуры местного значения, сохраняются лишь руины – весьма, впрочем, живописные. Силами священника из церкви св. блгв. князя Александра Невского в Красном Селе и его помощников в старой часовне сейчас совершаются службы. Развалинами церкви по мере возможности занимаются: близкое расположение к городу и постоянная забота прихожан не дают зарастать дороге к храму.

«ВОДА ЖИВАЯ»

Журнал можно приобрести в:

- Епархиальном управлении. Александро-Невская Лавра, наб. р. Монастырки, д. 1.
- Магазины издательства «Ладан», ул. Решетникова, д. 13.
- Князь-Владимирском соборе, ул. Блохина, д. 26.
- Храме Феодоровской иконы Божией Матери, ул. Миргородская, д. 1.
- Соборе Владимирской иконы Божией Матери, Владимирский пр., д. 20.
- Храме Коневской иконы Божией Матери подворья Рождество-Богородичного Коневского мужского монастыря, Загородный пр., д. 7.
- Домовом храме св. вмц. Анастасии Узорешительницы, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 39.
- Храме св. вмч. Екатерины, В. О., Кадетская линия, д. 27а.
- Магазины «Слово», ул. Малая Конюшенная, д. 9.
- Домовом храме иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша» при заводе «АТИ», Цветочная ул., д. 16.
- Храме вмч. Георгия Победоносца, пр. Славы, д. 45.
- Храме прп. Серафима Вырицкого, пересечение Загребского бульвара и улицы Ярослава Гашека.
- Храме прп. Серафима Саровского на Серафимовском кладбище.
- Храме свв. апп. Петра и Павла при АППО, ул. Ломоносова, д. 11.
- Храме Богоявления на Гутуевском острове, ул. Двинская, д. 2.
- На подворье Тихвинского монастыря, Дегтярная ул., д. 18.
- На подворье Введенского мужского монастыря, Оптина пустынь, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 27.
- Храме Вознесения Господня в Колпине, пр. Ленина, д. 4.
- Храме Смоленской иконы Божией Матери, ул. Камская, д. 24.
- Храме св. блгв. вел. кн. Александра Невского в Усть-Ижоре, Шлиссельбургское шоссе, д. 217.
- Храме св. равноап. вел. кн. Владимира в Усть-Ижоре, ул. Верхняя Ижорская, д. 50.
- Храме св. равноап. Марии Магдалины в Павловске, ул. Революции, д. 17.
- Храме св. блгв. вел. кн. Александра Невского в Красном Селе, пер. Щуппа, д. 10.
- Храме прмч. Андрея Критского в пос. Сергиево (быв. Володарский), пр. Ленина, д. 22.
- Храме свв. апп. Петра и Павла в Знаменке, Санкт-Петербургское шоссе, д. 115, корп. 10А.
- Храме сщмч. Исидора Юрьевского, пр. Римского-Корсакова, д. 24.
- Воскресенском Новодевичьем женском монастыре, Московский пр., д. 100.
- Храме Благовещения Пресвятой Богородицы, 8-я линия, д. 67.
- Храме Преображения Господня в Лесном, ул. Орбели, д. 25.